

Ирина
Гуманова



БЕГ ПО ВРЕМЕНИ



Девушка Женя получает в подарок от любимого мужчины волшебные часы, которые случайно переносят ее на много лет назад, где она перемещается в тело скромной барышни Насти из 19 века. Женя-Настя оказывается одна на парусном судне, которое осталось без команды. Загадку исчезновения команды она решает всё время одиночного плавания, когда она и жертва стихии, и отважный капитан, и дерзкая мечтательница о страстной любви к красивому пирату. За время плавания были шторм, жажда, «Летучий голландец», морские призраки и встреча с настоящими пиратами, главарем которых был красивый и смуглый пират из нескромной девичьей мечты.

Было тяжелое прощание с парусником «Анастасия» и переселение на пиратский бриг, где Настя то ли пленная, то ли новый канонир, то ли подруга молодого капитана. Команда брига недовольна – женищина на корабле к беде. И действительно, лихой бриг как подменили: шторм у мыса Горн забросил его в зыбучие воды «Бермудского треугольник», где голос моря свел с ума и эту бесстрашную команду головорезов, не боящихся ни чертей, ни призраков. Остались живыми только Настя и капитан, которые прятались в каюте от бунта взбесившейся

команды.

Капитан «Черной акулы» очень похож на любимого мужчину Евгении. Между ними странные отношения: смесь ненависти, любви, страсти и недоверия. Любовь борется за свою жизнь и побеждает на острове, похожем на рай, куда Настя и Алексей попадают после долгого и опасного путешествия по волнам Атлантического океана.

На острове, похожем на рай для влюбленных, где есть романтические закаты, жаркие ночи, купание в соленом океане, пропитанном любовью и страстью двух молодых островитян, родилась и окрепла их любовь и маленькая дочь. На райском острове любовь вырвалась на свободу, она кружилась над влюбленными белой птицей, укрывая от бед, согревая волнующим теплом, обжигая сексуальным огнем. До тех пор пока не проснулся вулкан, спавший на острове много лет...

Во время извержения вулкана Настя-Женя вспоминает про волшебные часы и покидает остров вместе с Алексеем, возвращаясь в наши дни.

Ирина Туманова

Бег по времени

Мирная, приторно-сладкая нега нависла над сонным городом. Утомленное небо выгорело за лето и теперь лишь тускло голубело. Деревья сорили желтыми листьями, а ветер гонял их, неприкаянных, с места на место, не давая покоя, не давая пристанища. Он тихо шуршал осенней листвой. Ему отчего-то было грустно... Осенняя тоска подкатывала тихо, незаметно, брала за горло нежных барышень и впечатлительных поэтов, заставляя вздыхать глубоко и парить высоко, в мечтах, в рифмах, в облаках...

А где-то там, далеко, за грядой серых многоэтажек скрывалась дорога, волшебная и сиротливая. Напрасно звала она людей идти за призрачную нитку горизонта. Напрасно манила нехоженными тропами, чудесными дорогами, тенистыми лесами и топкими болотами. Напрасно обещала дать ощущения. Хорошие или плохие... Высокие или чуть пониже... Но расшевелить, растревожить, разогреть остывшую кровь, разогнать тину в спящем озере чувств, снять черные очки с уставших глаз и очаровать закатами, прекрасными, неповторимыми, которые рисует вечер для чьих-то изумленных глаз. Напрасно

манила звездным небом, глубоким морем, заоблачными далями, где воздух свежий, где дышится легко. Где можно на мгновение стать птицей, расправить крылья и сказать себе: «Лети!»

Напрасно манила волшебная дорога. Никто не шел по ней. Дела, работа, суета, погоня за достатком, за успехом и ежедневный бег за временем... И никаких чудес, которые таит в себе волшебная дорога богатого воображения.

Напрасно ждала чудесная дорога, безлюдная, тоскующая, одинокая... И только бродяга-ветер шел по ней, вороша мягкую, как пудра, серую пыль.

На электронном табло настенных часов 18:59. За окном наше время – 2003 год. Евгения берет в руки красивый медальон с изумрудными листьями и нежными, будто живыми розами. Внутри медальона есть непростые часики. Это подарок ее любимого археолога, смуглого красавца с пронзительно серыми глазами. Он только что вернулся из далекой экспедиции, где отбирал у времени давно зарытые клады. Вот и на этот раз он привез любимой Женечке нечто такое, что вызвало бурю восторга и нежный долгий поцелуй, как очередное признание в бесконечной любви.

Конечно, время на старых часиках остановилось, они так долго пролежали в сырой земле, что видимо ходить уже не смогут. Или

смогут? Евгения сейчас проверит, на что способны подарки Времени. Она подводит волшебные часики с точностью до минуты...

На красивом циферблате волшебных часов – 18:59. Часы пошли, пласты времени начали смещаться, двигаться, как пласты земли во время сильного землетрясения. И вот уже туман застилает глаза, туман застилает разум, и всё плывёт и движется во времени, увлекая Женю в свой необычный бег.

Металлический голос хрипел заржавевшими связками:

«Век – часы, минуты – год,
Дух в чужую плоть войдет»

Голос вещал в пустоту, потому что слушателей в комнате уже не было. На полу, неаккуратно разбросав руки и ноги, лежала Женя, которая неосторожно привела в действие волшебный механизм часов.

Скрежетание часового механизма прекратилось. Женькино тело лежало без признаков жизни, а душа ее улетела далеко-далеко. Минут пять в комнате стояла напряженная тишина, как

будто все звуки жизни выключил суровый повелитель времени.

И снова заработали механические жернова, перемалывая минуты, часы, года...

На бесчувственное тело напал таинственный туман. Он появлялся ниоткуда, клубясь, стелился по полу синеватым облаком, медленно пожирая неподвижную пустую оболочку.

Когда дым развеялся – тела в комнате не было. Металлический голос не шутил, обещая заселить дух в чужую плоть. Он вообще никогда не шутил. Он был суров и непреклонен.

Вначале «Настя» приняла легкую качку за головокружение, но тихий плеск воды где-то совсем рядом убеждал, что голова тут не причем, хотя раскалывалась она ужасно, мешая ориентироваться в темном пространстве. Пришлось Насте-Жене заняться обследованием пространства на ощупь. И скоро она с удивлением наткнулась на борт корабля!

– Эй, кто-нибудь! Зажгите свет! – крикнула Настя в темноту и пустоту.

«Они что, в прятки играют?! Или пьяные все?! Так же можно и за борт упасть», – возмущалась

пассажирка, пока дожидалась хоть какой-то реакции на свое требование.

Реакции не последовало ни через 5 минут, ни через 10.

– Эй, на судне! Ау! Караул! Пожар!

Её не услышали.

– Боже, ну и команда! Как меня угораздило попасть на это корыто?! Где вахтенный? Где рулевой? Я представляю, что тут за капитан!

Возмущенная Настя осторожно пошла в противоположную от борта сторону. Немного подсвечивали далекие звезды, а потом глаза привыкли к темноте, и Настя смогла живой и невредимой добраться до капитанской каюты.

– Ну, держитесь, милостивый государь! Я вам сейчас буду портить настроение, – честно предупредила полуночная визитерша и громко постучала в дверь.

Опять неприятная тишина. Настя барабанит уже кулаками, возмущенная местным беспорядком.

Дверь со скрипом открывается сама. Капитана на пороге нет. Не оказалась его и в постели, которая, несмотря на царивший на судне беспорядок, была аккуратно застелена.

Опять на ощупь Настя нашла стол, на нем – лампу. Зажгла ее. Глаза долго привыкали к свету, девушка жмурилась, хлопала ресницами и понемногу осваивалась в смутно знакомой

обстановке.

На столе, рядом с лампой, в золоченой рамке фотография улыбающейся Анастасии... Минуты две Настя довольно тупо разглядывала девушку с такими же, как у неё длинными, светло-русыми волосами, уложенными в красивую причёску невесты. Сейчас, правда, Настя выглядела не так аккуратно – посмотрев на себя в зеркало, она увидела здоровенную шишку на лбу, светлое платье в каких-то пятнах непонятного происхождения, а на голове бесформенная копна сена с заметным сдвигом вправо.

Настя поднимает руку, чтобы придать «копне» правильное положение, строго по центру, но вскрикивает от боли – плечо как будто проткнули раскаленным гвоздем. «Вот здорово! Неужели сломала?!» Настя отвлеклась от фотографии красивой невесты и начала ворошить в памяти совсем недалекое прошлое. Вначале в больной голове было настолько пусто и гулко, что Настя даже испугалась. Потом мало-помалу начала приоткрываться потайная дверца, через которую потекла тонкая струйка самой необходимой информации.

– Я пошла в кладовку... зачем? Ага, вот новость, так новость! Как я могла забыть?! Владимир, капитан корабля – мой муж! Так вот кто отвечает за порядок на судне! Ну, это невероятно!

Хотя сейчас не об этом... И зачем же я пошла в кладовую? Ах, да, вспомнила – мы с Владимиром хотели отметить годовщину знакомства. Мы были в каюте... Потом пришел помощник капитана, позвал Владимира зачем-то на мостик... А я пошла за шампанским... Помню – был теплый, ясный день... Ура, вспомнила! Ступенька подломилась, я упала, – Настя обрадовалась этому воспоминанию как дитя новой игрушке. – Теперь все ясно – вот вам и шишка, вот вам и боль в плече, и кособокая прическа... А потом, а потом... что было потом? Я очнулась на полу... и меня, кажется, жутко тошнило. Да, точно – вот вам и пятна на платье... фи... Потом я кое-как вылезла на палубу и – голову за борт. Кажется, тогда уже начинало темнеть, во всяком случае, я не помню, чтобы вода блестела от солнца. Хотя мне было так плохо, что я почти не открывала глаз. А дальше все, хоть убейте, ничего не помню...

Но и этого было достаточно для того, чтобы заполнить голову необходимыми сведениями. Теперь оставалось только разыскать шутника-Владимира и устроить ему небольшой семейный скандалчик, дабы отбить всякое желание устраивать подобные розыгрыши в ближайшие лет сто.

Прихватив с собой чадающую лампу, Настя отправилась на поиски глупого мужа, который

сидит сейчас где-нибудь в шкафу и тихонько давится от смеха. На груди у Насти болтался открытый медальон с часами. Вскользь посмотрев на время, она захлопнула крышку и спрятала медальон под платье.

– Какие семь часов? Не может быть. Врут часики, – решила Настя.

Она ежилась от неприятного холода на груди до тех пор, пока металл не нагрелся теплом ее тела. После этого Настя надолго забыла о медальоне с «врущими» часиками, показывающими точное время – 1859 год.

За дверью капитанской каюты было по-прежнему тихо и безлюдно. Один лишь ветер, резкий, просоленный разгуливал по палубе двухмачтовой «Анастасии», названной так в честь молодой жены капитана.

В офицерских каютах стояла такая же нежилая тишина и мрак. Уже слабо веря в свою версию о дурацкой шутке Владимира, Настя шла на корму.

Только один человек из всей команды никак не мог принимать участия в этом невинном, и до безобразия смешном розыгрыше. Не по причине особо трепетного отношения к хорошенькой жене капитана, а в силу сложившейся на корабле старой доброй традиции: хоть шторм, хоть драка – но

возле штурвала должен быть человек.

Ещё издали услышала Настя противный скрип, от которого холодно стало спине и занемели ноги.

В рулевой рубке – сердце корабля, никого не было...

Легко и свободно крутилось колесо штурвала: поворот вправо, поворот влево, замрет ненадолго и снова поворот, под жуткое поскрипывание.

Настя смотрит на бестолковые вращения колеса с тихим ужасом, она боится закричать, нарушить зловещую тишину брошенного корабля. Сомнений больше не осталось – команда покинула судно по непонятной причине, и видимо, в такой спешке, что капитан забыл о молодой жене, которой всего лишь месяц назад клялся в любви и верности у алтаря.

– Не может быть... Этого не может быть... Когда я уходила из каюты, все было нормально. Ни шторма, ни земли... Он знал, что я пошла в кладовку, искать меня не надо... Но почему я осталась одна?! Почему меня бросили?!!

Настя не могла поверить в то, что её – восемнадцатилетнюю девушку, абсолютно незнакомую с принципами судовождения, команда бросила на произвол судьбы, отдала в распоряжение неуправляемого корабля и непредсказуемого, временами смертельно опасного

океана.

В это нельзя было поверить! Но штурвал зловеще скрипел, заставляя верить в невозможное. Каждый его поворот мрачно убеждал: «Ты одна на корабле. Одна. Одна. Одна. Ты в полной моей власти. Власти. Власти. Власти. Видишь, как я легко играю твоей жизнью – верчу куда хочу. Могу на скалы тебя забросить, могу на мель. А хочешь, мы налетим на большой красивый корабль? Потопим его и сами успокоимся на дне... Но я могу и пожалеть тебя, прекрасная Анастасия, ты такая свежая, такая юная, ты, наверное, очень хочешь жить?»

Колесо замерло на месте, словно ожидая ответа от сухопутной тезки корабля. Девушка молчала, ее темно-синие, как штормовое море, глаза молили о пощаде.

Штурвал опять пришел в движение, и снова зловещий скрип: «А может быть я подарю тебе жизнь – и мы будем плавать с тобой вечно, пока ты не умрешь от старости. Но и потом твой призрак не покинет судно...»

Настя зажала рот ладонью – ей хотелось закричать от жутких обещаний скрипящего корабля. Она больше не могла слушать этот тихий погребальный скрип.

Лампа больше дымила, чем давала свет, пламя судорожно подергивалось, бросая на стены

зловещие тени. Настя вышла из пустой рубки и, больше не злясь на глупую шутку, осторожно, крадучись и всего боясь, отправилась в каюту капитана.

За спиной шаги. Скрип со всех сторон, еле уловимый, не громкий. Впереди мелькнуло что-то белое, огромное. Оно надувалось и хлопало крыльями.

– Это парус... это обыкновенный парус, – убеждала себя Настя. Но страх уже навязывал свою, ужасную версию: все призраки морей слетелись на заброшенный корабль за новой, свежей жертвой.

Настя ускорила шаг.

Огонь дрожал, тени отплясывали жуткие танцы – еще 5-10 минут и лампа погаснет, и вот тогда в наступившей темноте морские призраки сведут девушку с ума.

Возле каюты Настя остановилась, не решаясь войти в приветливо открытую дверь. «Я закрывала дверь. Я это точно помню», – утверждала она, всё путая от страха.

Но шаги приближаются, Настя в ужасе кричит тихонько: «А-а-а-а» и ныряет в пугающую неизвестность мрачной каюты. Глаза торопливо выхватывают из темноты стол, кровать, шкаф, пустые углы. И ничего ужасного, потустороннего. Скорее дверь на ключ и с ногами на кровать.

Укрывшись под теплым пледом, она все равно

трясется от жуткого озноба. И ждет – вот сейчас откроется дверь и ворвется ОНО!!! Что-то невыносимо страшное и злобное...

За дверью тихое шуршание, кто-то трется и наваливается на дверь, не сильно, а как бы проверяя на прочность.

– Такого не бывает... Это все неправда, выдумка... Я не хочу! Я боюсь!!! Господи, не надо... – от страха у Насти перехватывает дыхание и ей кажется, что чьи-то холодные пальцы шевелят волосы на затылке...

До самого утра, до первых солнечных лучей Настя тяжело сходила с ума. И лишь когда забрезжил рассвет, ночные силы зла отступили, позволив наконец, измученной, непохожей на себя, Анастасии закрыть глаза.

Сон оборвался резко от добродушного лая за дверью. Спросонок Настя не понимает ничего: где она? кто лает на корабле? И может быть ночной ужас – всего лишь сон? Она быстро встает и выбегает из каюты. На встречу ей радостно семенит пес неизвестной породы. Причина её ночного «помешательства» энергично машет хвостом и выражает искреннюю радость от знакомства.

Некоторое время Настя пребывала в легком шоке. Удивление сменялось злостью на лохматого шутника, потом неловкостью за свое богатое воображение. А потом был глубокий вздох

облегчения и выговор шутнику, для порядка:

– Что ж ты, морда собачья, ночью голос не подавал?! А? Почему ночью молчал и топал за мной потихоньку? Зачем в дверь ломился? Ну, как тебе не стыдно? Сошла бы я с ума от страха, кто бы тебя кормил? А? Эх ты, дурачок... Иди сюда, собака, – ласково манила Настя лохматого пассажира, тоже, как видно, оставленного в спешке.

Их радость была взаимной. Черный, с белыми пятнами пес приветствовал Настю бурно, не сдерживая восторга: вначале одним хвостом, но радость переполняла собачье сердце, и пес завилял всем туловищем, стараясь лизнуть нового друга в лицо.

– Ну, ну, возьми себя в руки. Первый раз видишь девушку и сразу лезешь целоваться. Что за манеры? Кто вас воспитывал?

Отсутствие породы указывало на то, что пса воспитывала улица.

– Откуда же ты взялся, матрос? Кажется, я тебя раньше не видела. Наверное, в трюме прятался?

Настя разговаривала с собакой как с человеком. Всего одна ночь одиночества привела к тому, что Настя почувствовала себя диким, бородатым Робинзоном Крузо, со стажем заточения на острове не менее ста лет.

Перво-наперво Настя решила полностью

обследовать свой плавающий остров, хозяйкой которого она стала волею судьбы.

– Ну, что, пошли на разведку? Как звать-то тебя, чудо природы? – спросила она у ласковой псины, которая улыбалась ей почти по-человечески. – Раз молчишь – я тебе сама дам имя. Только, чур, откликаться.

Недолго думая, Настя нарекла черно-белого пса именем литературного героя – друга и помощника одичавшего Робинзона Крузо.

– И хотя сегодня далеко не пятница, но так уж сложилась наша с тобой судьба... Отныне ты – Пятница. Поздравляю с наречением.

С Пятницей стало легче жить на страшном корабле. Собака, разумеется, еще меньше Насти разбиралась в вопросах судоходства, и собеседник из неё был никакой, но Настя болтала за двоих, лишь бы нарушать гнетущую тишину опустевшего корабля.

Ветер старательно надувал паруса неуправляемой шхуны и гнал её наугад, может на скалы, может в тихую гавань.

А Настя и Пятница шли по палубе походкой подвыпивших матросов. Сегодня амплитуда вращения штурвала заметно увеличилась – парусник бросало из стороны в сторону. Смирившись за ночь с ужасной новостью, Настя уже не такими безумными глазами смотрела на

лихие повороты колеса, старалась не слушать его зловещий скрип. Она даже положила руки на штурвал и попыталась удержать его. Сначала штурвал вырывался, но осмелев, Настя применила силу и тот, который ночью запугивал её жутким скрипом, сдался и присмирел в руках несмелого рулевого.

Судно выправило ход. «Восемнадцатилетний капитан» вел корабль плавно и как будто уверенно. Но только в неизвестном направлении. «Если увижу землю – убегу паруса и буду дрейфовать, пока меня не заметят. Или вплавь до берега. А если впереди корабль или скалы – поверну штурвал. Вот и вся наука, – бодрился новоиспеченный «морской волк».

Скоро устали руки от напряжения и надоело стоять на одном месте. Тогда Настя капитанским решением назначила помощника «рулевого»: два деревянных чурбака по обе стороны крепко держали штурвал в своих сучковатых лапах.

Довольная собой, Анастасия с головой уходит в безобидную детскую игру, под названием «кораблики». На брошенной шхуне появился игрушечный капитан, который быстро навел порядок в рулевой рубке. О плохом Настя старалась не думать, например, о том, кто будет «впередсмотрящим» темной ночью, когда на палубе хозяйничают морские призраки; или о том, кто из

них двоих – она или деревянные чурбаки будут обходить мели и подводные рифы? И, наконец, что будет с ней и с Пятницей, если в океане разыграется шторм? Но это пока в будущем. Близком или далеко. А может быть настолько далеко, что случится с ней ни в этом плавании...

Сейчас все выглядит довольно безмятежно: корабль скользит по ровной глади плавно, без прежних зигзагов и скачков, мирно поскрипывают снасти, совсем не страшно хлопают, надуваемые ветром, паруса. И стелется длинный пенистый след за кормой ее корабля...

Настя уже собиралась покинуть рубку, как её внимание привлек грязный клочок бумаги на полу. Она взяла его в руки и с трудом пыталась разобрать корявые буквы. Казалось, что человек выводил их через силу, непослушной, парализованной рукой: «Я ухожу... Бойтесь...»

И опять ночной ужас до костей пробрал онемевшую и напуганную Настю. Опять за спиной зашуршали, ожили страшные призраки. И как тогда ночью, захотелось кричать от невыносимого страха.

– Пятница! Пятница! Ко мне! – во весь голос заорала Настя. Ее сознание стремительно засасывает в жуткий водоворот ночных видений. Она зовет Пятницу дурным голосом, ищет повсюду, но пес, который мог бы прогнать страхи, облаять призраков, пропал. Пять минут назад он крутился

возле рубки, и вот как только понадобилась трезвая собачья голова, не подверженная человеческим страхам – его не докричишься!

А Пятница, напуганный пронзительным криком нового друга, подумал, что на него сердятся за какую-нибудь выходку, и подался от рулевой рубки подальше, к камбузу поближе. Тем более там пахло, точнее, крепко воняло тухлой курицей. Голодный пес, не обращая внимания на странные крики, усердно царапал дверь, стараясь добраться до тушки и остановить процесс гниения.

– Ты почему не отзываешься?! – набросилась на него Настя, когда догадалась все-таки поискать собаку возле «хлебного» места.

Пес кинулся ей навстречу, как будто разлука с новой хозяйкой длилась годы. Он прыгал вокруг неё, вилял хвостом, внимательно заглядывал в глаза, в общем, просил прощения за все, что было, будет и за то, в чем он совсем не виноват.

Вместе с таким жизнерадостным псом Настя перестала бояться невидимых существ, бестелесных и зловещих. К тому же Пятница постоянно отвлекал её мысли от страшного, и всё внимание приковывал только к себе.

– Успокойся, ну хватит уже. Да перестань ты, вот ведь подхалим! – Настя, не выдержав напора собачьей любви, наклонилась к нему и позволила лизнуть себя два раза в нос. После таких «телячьих

нежностей» бояться становилось все труднее и труднее, хотя мозг настойчиво сверлили два страшных слова.

– Пошли, я накормлю тебя чем-нибудь. А заодно потренирую на «отзывчивость», а то звала тебя, кричала, а ты даже ухом не ведешь.

Обстановка в камбузе говорила о том, что полным ходом шло приготовление к ужину. Вчерашнему. На остывшей плите в кастрюле плавает дурно пахнущий, недоваренный цыпленок. На столе очищенные увядшие овощи.

– Такое впечатление, что кок вышел на минуту и должен скоро вернуться... Но не вернулся. Ни он, ни другие. И ничего кроме короткой, жуткой записки... Что же случилось с ними за то время, пока я лежала без сознания в кладовке? И почему Владимир забыл обо мне? – снова и снова задавала Настя волнующие вопросы из прошлого.

«Забывчивость» мужа её огорчала не сильно и совсем не долго. У Насти не успело зародиться в сердце ответного чувства. Их брак длился всего месяц. И этот месяц Настя не могла назвать «медовым» – так, что-то безвкусное, пресное, как бумага. И весь год их не очень близкого знакомства был такого же нейтрального вкуса. Остальные поклонники и соискатели руки и сердца бесприданницы Анастасии имели вкус резко

неприятный. А так как бесприданница была ко всему прочему и ещё круглой сиротой, которую воспитывала строгая тетушка, то Настя, после совершеннолетия, просто вынуждена была отдать Владимиру свою руку. Но не сердце.

За месяц супружества не возникло у Насти повода пожалеть о своем выборе. Правда, жила она как в сонном царстве – ни душа, ни тело «спящей красавицы» не реагировали на старания 26-летнего добродушного мужчины, не очень опытного в амурных делах. Через неделю тщетных попыток подобрать «ключик» к телу Анастасии, (про «душевный» ключик он не беспокоился, самонадеянно полагая, что тот у него в кармане) Володя легко убедил себя в том, что все порядочные девушки во время близости с мужчиной должны лежать тихо, без движений, как будто все происходящее их совершенно не касается. «Это просто замечательно, что моя Настенька такая чистая и невинная», – от души порадовался он фригидности молодой жены.

Отец Владимира был богатым судовладельцем, баловал сыночка всячески, потворствовал всем его прихотям, но мальчик, не смотря на все старания папаши, не превратился в эгоиста. Он рос тихим, застенчивым медвежонком, толстым и безобидным, живущем в своем придуманном мире. Володя с детства мечтал о

дальних странах, о бескрайних морях, о зарытых кладах и красивых кораблях. Когда Володя подросток, окреп и относительно созрел в его мечты с приключенческим уклоном стали врываться очаровательные, белокурые гости: маленькие, тоненькие, с большими голубыми глазами.

К 25-ти годам мечты Володи частично воплотились в жизнь, отец подарил ему 2-х мачтовую шхуну «Св. Елена», которая впоследствии будет переименована в «Анастасию», не святую, но очень любимую. А пока молодой капитан, влюбленный исключительно в море, бороздил «голубые просторы». Мечты о путешествиях, далеких неизведанных странах и о голубоглазой блондинке не мешали заниматься Владимиру вполне земными вещами: доставлять грузы по назначению, управлять судном и командой, спорить со штормами.

А вскоре появилась и девушка с почти белыми волосами и пронзительно голубыми, небесными глазами. Володя сразу же потерялся в них и, растолкав не очень достойных соперников, женился на своей мечте.

«Почему он бросил меня одну? Почему нет

даже записки? Нет ничего, кроме этого клочка, предназначавшегося даже не мне, а видимо, команде в целом», – пыталась решить Настя неразрешимую задачу.

Потом она вспоминала, как их провожали в порту, как плакала неслезливая тетушка, целуя Настю в лоб; как спрашивала её тихонько, не обижает ли супруг? Насте стало невыносимо тоскливо и одиноко посреди голубого простора, бескрайнего и пустынного. Стало жалко себя, Володю и даже тетушку, за то, что думала о ней не очень хорошо. «А ведь она не отказалась от меня, хотя у неё свои дочери. Ну, была неласкова. Ну, была строга, так ведь я ей не родная, за что ж меня нежить?» И по каналам времени, по волнам воспоминаний Настя вернулась в тетушкину гостиную, куда на Настин свет летели богатые и бедные, молодые и старые, красивые и безобразные женихи. Куда, в конце концов, залетел Владимир.

Но где же он теперь, этот нестарый, богатый и совсем не безобразный муж? У Насти голова шла кругом от разных фантастических предположений.

Володя, влюбленный в море, старался и Насте привить хоть какую-то симпатию к неизведанному, загадочному и удивительно прекрасному водному миру. Он мог часами рассказывать о тайнах морей и сверхъестественных явлениях, о коварстве и жестокости, о бесконечной красоте океана. Сейчас

все его рассказы слились в одну страшную, непонятную кашу, которая тяжело варилась в уставшей голове. И чем дольше она варилась, тем сильнее разваривалась в нечто бесформенное и ужасное: неведомая сила поглотила и утянула на дно 10 человек команды вместе с капитаном, не повредив при этом корабля и не оставив никаких следов. Во всяком случае, Настя не нашла ничего нового, кроме той жуткой записки-предупреждения. В кубрике тоже не было следов спешки, насилия или намека на матросский бунт.

Методично обходя все помещения, заглядывая в кладовки, трюм, каюты, Настя так и не нашла ответа на самый волнующий вопрос. Зато с превеликой радостью выяснила, что голодная смерть ей не грозит, даже если они с Пятницей будут трапезничать 6 раз в день. Запасов воды, рассчитанных на 12 человек, им двоим хватит на много лет одиночного плавания. Кроме того, в трюме находился аппетитный груз – консервированные фрукты; и менее аппетитный, зато здорово расслабляющий – ром и коньячный спирт. Как могли матросы оставить нетронутыми такие залежи удовольствия, было совершенно непонятно. Видимо, ожили те чудища из морских легенд, о которых даже самые отчаянные и бывалые морские волки говорили свистящим полусшепотом.

«Ну, не может быть, чтобы Володя не оставил мне даже строчки, хотя бы слова! Он вроде бы меня любил... Однако же, я и чей-то беспородный пес брошены на судне на произвол судьбы!»

Тут Настя вспомнила, что еще не обследовала капитанскую каюту при дневном свете и не помутненном сознании. Вот сейчас-то она обязательно найдет записку от Владимира, в которой будет объяснение этому необъяснимому поступку! Торопливым шагом идет она к месту своей беспокойной ночевки. При дневном свете все выглядит совсем не страшно: светлая комфортабельная каюта, обшитая панелями из дуба, с удобными кушетками, с мягким креслом и дорогим брюссельским ковром никак не напоминали ночную «пещеру ужасов». На столе все так же улыбается невеста, рядом лежит стопка журналов и книги по судоходству. Открытый судовой журнал, последняя запись...

– Градусы, секунды, широта, долгота, – ничего не понимая, бормотала Настя. – Все нормально. И главное, все понятно... градусы, секунды... Я, наверное, должна понимать. Но я ничего не понимаю... Где записка для меня?!

Настя хлопает журналом об стол, потом еще раз и ещё. Потом падает в кресло и сразу же начинает впадать в отчаяние. Непонятные загадки, напрямую касающиеся её жизни, пугали её

немногим меньше, чем ночные призраки.

Внезапно Настя вскочила с кресла и побежала из каюты. Она торопилась на палубу, к борту корабля. Сейчас уж точно всё станет очевидным. Сейчас она получит хоть один ответ!

Опасно перегнувшись через фальшборт, Настя смотрит вправо, влево. И стонет он невозможности разгадать страшную загадку: все шлюпки на месте! А это значит, что команда не спасалась на шлюпках с тонущего (?) корабля. Это значит – её попросту больше нет... Теперь Настя знала об этом наверняка. Блуждала ещё ненавязчивая версия о пиратах, захвативших команду в плен. Но была она настолько несостоятельна, что Настя, далеко не знаток пиратских обычаев, быстро её отвергла. Что же это за пираты такие забавные, которые не забрали достаточно ценный груз? А вместо рома, спирта и прочих полезных товаров зачем-то взяли в плен команду из 11 довольно мирных человек, которые вряд ли, при всем их желании, смогут стать головорезами и верными помощниками пиратов. Выкуп же за 10 полунищих матросов не покроет расходов на их содержание. Можно было, конечно, разжиться за счет Владимира и его обеспеченного отца, но эта афера, кроме денег, могла принести большие неприятности. К чему рисковать, когда можно набрать спирту и рому и залить это всё в пиратскую глотку. И что удивительно, захват

пленников происходил, видимо, по всем правилам светского этикета, только через «будьте любезны» и «не затруднит ли вас». Потому что следов несогласия, борьбы и насилия Настя так и не обнаружила.

Возле камбуза валялся сытый и довольный Пятница. Его не волновали Настины загадки.

«Эх, поменяться бы мне с ним местами: я валяюсь на палубе, не думая ни о чем, не боясь приближающейся ночи, земли или корабля. А Пятница рыскает по судну, ищет разгадку, всего боится и думает, как бы нам дожить до старости без мучений и лишений».

За первый день неуправляемого плавания Настя нашла «рулевого» и научилась готовить пудинг. Таков был положительный итог дня. Все остальное в графе «минус».

Ближе к вечеру Настя поняла, что не сможет не только бросить якорь на ночь, для того, чтобы избежать столкновения с землей или с кораблем, но она бессильна даже уложить волосы в прическу – правая рука отзывалась болью на любую физическую нагрузку. «Ну, что ж, если ночью налечу на скалы, по крайней мере, умру незаметно, во сне», – смирилась беспомощная пассажирка-капитан.

К приближающейся ночи Настя готовилась основательно. Наученная страшным опытом

предыдущей ночевки, она запаслась бутылкой рома для спасения от «морских призраков». Для этой же цели в каюту капитана был допущен Пятница, здоровый циник и реалист, не верящий в человеческие страшилки и морские байки о невидимых чудовищах.

Напряженно подкрадывалась ночь. И чем больше Настя прислушивалась к тишине пустого судна, тем громче и страшней звучали шаги и вздохи под дверью, как будто те, кто прятались днем по темным углам, куда не мог проникнуть солнечный луч, с наступлением ночи смело выползали из своих нор. Их всех манил запах свежей человеческой плоти, до которой они не смогли добраться прошлой ночью. Но сейчас уже, казалось, ни что не спасет бедную Настю.

А пес мирно посапывал возле двери и видел во сне приятное: сначала косточку, крепкую, сахарную, потом новую хозяйку, такую ласковую и добрую, не в пример прежнему хозяину, который мог и словом грубым, матросским «приласкать» и сапогом «погладить». Вот если бы Пятница не спал, скалил зубы и дыбил шерсть – тогда на Настю обязательно накатило бы вчерашнее безумие. Но когда собака – вполне живое и разумное существо, спокойно спит и видит сны – сходить с ума от страха было как-то неудобно.

Следующим этапом борьбы с ночными

кошмарами являлось легкое алкогольное опьянение, которое добавляет смелости и бесшабашности, но ещё далеко от того, чтобы мутить разум.

Скоро нетрадиционное «лекарство» подействовало, Настя вдруг перестала бояться и даже позволила себе дерзкий вызов:

– Эй, ну кто там шуршит?! Заходи, драться будем!

Вызов остался без ответа, и тогда Настя совсем осмелела – нервно хихикнула, закрыла глаза и приготовилась спать, как ни в чем не бывало. Полчаса она претворялась, что спит, а на 31-ой минуте уснула по-настоящему. Сон, конечно, был прерывистым, поверхностным и беспокойным, но первая победа над ночными силами зла дорогого стоила.

Проснулась Настя, когда уже вовсю правили добрые силы. Свет разогнал всю нечисть по углам, до следующей ночи, которая будет не страшнее этой.

– Ну, так ещё жить можно, – радовалась Настя первой победе, солнцу и тому, что ещё жива она, одноименная шхуна и верный Пятница.

Палубу заливали ослепительные солнечные лучи. Желтый шар плыл по нежно-голубым небесным волнам, даря тепло, свет и надежду.

Настя потягивалась довольной кошкой. Утро казалось ей удивительно прекрасным, желто-синие тона радовали глаз, и море искрилось как самая красивая мечта.

Настя вдруг поняла, что в первый раз за всю жизнь осталась одна: не смотрело на неё суровое тетушкино око, не было рядом Владимира, который с первых же дней совместной жизни вплотную приступил к воспитанию молодой жены. Воспитывал ненавязчиво, но упорно и постоянно. И вот Настя неожиданно получила свободу, и, забыв разом все наказания и наставления, начала наслаждаться свободой с жадностью и тихим блаженством, без оглядки на старших и положительных.

Позавтракала Настя там, где захотела. А захотела она, сидя на палубе, прислонившись спиной к мачте и легкомысленно вертя головой по сторонам. Над головой хлопали белыми крыльями птицы-паруса, корабль летел в неизвестность, и было удивительно легко и сказочно... и почему-то хотелось мечтать о любви.

Солнце поднималось к зениту и начинало припекать, но Настя не хотела покидать волшебное место, где она в первый раз мечтала о любви. Ей хотелось мечтать до бесконечности, до тех пор, пока не появится он – сильный, знойный, дерзкий, так не похожий на Владимира, так не похожий на

всех мужчин, которых она видела в тетушкиной гостиной. От горячей мечты и от полуденного солнца кожа становилась влажной, сладкая истома нежила грудь и что-то незнакомое, остро-приятное зашевелилось в животе. А потом, набирая силу, поползло вниз... И Настя, свободная и сильная как океанская волна, легко рушит каменные глыбы моральных табу, не пускающих её на берег запретных удовольствий. Она наслаждается свободой дико, не стыдясь своего тела, не стыдясь способа получения наслаждения. Она задирает подол горячего платья и впервые изучает свое тело дрожащими от возбуждения руками. Её пальчики шли по невидимому следу к самой чувствительной точке. Нашли её и скоро подарили Насте первый в её жизни оргазм. И освободили от ложного стыда перед своим вызывающе-красивым обнаженным телом.

Девушка лежала на открытой палубе большого корабля, внутри огромного водного мира в очень откровенной и беззащитной позе и тихо стонала от наслаждения, забыв об одиночестве, опасности, об ужасах ночи.

А потом она грелась под жарким солнцем, нежилась и плавилась и снова наслаждалась. И теряла силы от наслаждения. И радовалась чудесному открытию.

А потом вернулось ожидание мечты. Насте

казалось, что она на всех парусах летит к запретному, дикому, эротическому острову. Её тянуло в объятия красивого и смуглого островитянина. А кровь кипела и снова нагнетала жар и остро-сладкое нытье там, где соединяются стройные ноги...

– Хочу дождя! Хочу дождя! – кричала Настя в чистое небо, сгорая от солнца и от разбуженной чувственности.

На небе не облачка, не малейшего намека на дождь. Но Настя продолжает наслаждаться свободой и отсутствием запретов. Теперь она будет делать всё, что захочет, пусть даже ей захочется стоять под «рукотворным» дождем из запасов пресной воды.

Ей надоело горячее, влажное платье и она, не раздумывая, снимает его, отдав голое тело в объятия ветра, теплого и прохладного одновременно: там, где кожа намочла от пота – он словно лижет холодным языком, а где все сохнет и горит – сильнее раздувает пламя.

Не жалея воды, Настя поливает свое крепкое, молодое тело, впервые увидавшее солнце, небо, море. Его в первый раз ласкает ветер, бесстыдно прикасаясь ко всему, что раньше пряталось под одеждой. «Реки» теплой воды бегут по лицу, Настя жмурится от удовольствия, а вода продолжает свой путь по телу. Струя медленно течет по груди,

упирается в нежную преграду, а потом, разделившись на две маленькие «речки», обходит розовый сосок и стекает на живот, отчего Настя каждый раз вздрагивает и замирает в ожидании нового чудесного открытия. Она распускает длинные волосы, и золотые нити растекаются по спине. По ним, блестя на солнце, бегут извилистые ручьи драгоценной воды и образуют на палубе пресные озера.

Попутный ветер надувает паруса, нос корабля врезается в волну и выбивает из неё песчинки мелких брызг. Они искрятся, переливаются на солнце тысячами маленьких радуг под чистым небом, с которого давно не падало ни капли дождевой воды.

Зато «рукотворный» дождь на палубе все лил и лил, рождая свои маленькие искусственные радуги.

Неясное белое пятно уже давно маячило на горизонте, но Настя, занятая эротическими омовениями, не замечала его до тех пор, пока «пятно» не вошло в зону её бокового зрения. А когда вошло – купальщица забыла про сказку о чудесном острове наслаждений, забыла о свободе, о красоте своего обнаженного о тела, и о том, как хорошо ей мечталось о любви под ритмичное хлопанье крыльев-парусов. Она забыла обо всем, кроме одного – надо прикрыть своё голое тело. Ей,

наконец-то, предстояла встреча с людьми! Ей надо вновь заковывать тело в броню морали и стыда.

Трехмачтовый фрегат белым лебедем проплывал по линии горизонта.

– Ну, вот и все, прощай мечта, – с большой долей грусти прошептала возбужденная свободой. Но другая часть Насти, трезвая и реалистичная бросилась к борту корабля и заорала во всю глотку. – Эй! Помогите! Сюда! Сюда!

Настя махала рукой, не забывая другой придерживать платье на груди. Она не стала натягивать влажное платье на мокрое тело, теряя минуты, от которых зависела ее жизнь. Не переставая сигналить рукой и кричать до хрипоты, Настя замечает, что расстояние между кораблями не уменьшается. А как бы даже наоборот...

Не нужен больше красивый остров с призрачной мечтой и эротическими удовольствиями, а нужен туманный Петербург, с сухой тетушкой, с нравоучениями, запретами, этикетом. Нужен город, где под ногами твердая земля, а не эта зыбкая субстанция, готовая в любую минуту поглотить самый большой корабль вместе с капитаном и его командой. Неуправляемая, средних размеров шхуна «Анастасия» могла надеяться только на чудо, которое вряд ли будет длиться долго. Сейчас Настя понимала, что шансов одной добраться до земли у неё абсолютно нет. И если

этот далекий парусник не сменит курс, то до второго корабля она, скорей всего, не доживет.

Но кричать бесполезно – её не слышат. И, возможно, даже не видят ее отчаянных жестикуляций. Тогда Настя бежит на бак и со всей силы бьет в судовой колокол, с явным желанием разбить его или хотя бы достучаться до последней надежды. Но фрегат понемногу таял и таял, не видя и не слыша. А может он просто не желал менять курс и тратить время. У капитана фрегата могли быть свои планы, в которые не входила перемена курса.

Тогда Настя сама пошла ему на встречу.

– Ничего, мы не гордые, мы-то можем поменять курс. Нам, всё равно куда плыть, – цедил сквозь зубы юный «капитан», выбивая чурбаки, держащие штурвал, а потом резко, неумело, переложил руль вправо. – Справа по борту судно! Приказываю догнать или... или нам всем крышка! – взбадривала себя Настя грубым, командирским тоном.

«Анастасия» вздрогнула от удивления, а ещё больше от возмущения – виданное ли дело – девчонка управляет?! Корабль опасно накренился, замер в нелепой позе, но все же решил не тонуть, а послушаться неумелого покорителя морей и попытаться догнать быстроходный фрегат.

Примерно через полчаса погони стало ясно,

что неповоротливой торгово-грузовой «Анастасии» не стоит тягаться с военным кораблем и его командой. Когда фрегат, а с ним и надежда на спасение растаяли как утренний туман, Настя грубо, по-матросски выругалась и села, точнее, рухнула на пол. К горлу подкатил комок из злых, отчаянных слез. Настя героически боролась с истерикой, но и тут проиграла поединок. Плакала она не громко, зато очень жалобно, подвывая по-собачьи. Скоро на плач прибежал Пятница и попытался по-своему успокоить ревушую хозяйку. Он присел напротив, нацелив на неё печальный всёпонимающий взгляд. И хотя, он сидел тихо, без движений, Настю постепенно начало отвлекать немое сочувствие умной собаки.

– Ну, что ты смотришь? Уставился... Тебе хорошо, ты ничего не понимаешь. Или на меня надеешься? Думаешь, я старый моряк и мне корабль в порт привезти – раз плюнуть?! Так я тебя разочарую, мой лохматый друг, на меня не надейся – я в этом деле ноль, полнейший...

Штурвал, обретя свободу, мотался из стороны в сторону. А вместе с ним кружились в пьяном танце корабль, Пятница и Настя. Хаотичные движения по-своему отвлекали Настю от истерики и не давали сосредоточиться на горе. Каждый новый зигзаг приближал начало морской болезни, и когда она была уже на пороге, Настя взяла себя в

руки, отложив истерику до лучших времен, утерла слезы, закусила губы, встала решительно и снова заклинила штурвал деревянными чурками. Корабль, повинувшись заплаканному капитану и деревянному рулевому, сразу успокоился, пошел вперед ровно, без отклонений, лихо врезаясь носом в океанскую волну. На судне снова появился командир. Пятница радостно приветствовал возвращение Насти к своим обязанностям и очень навязчиво намекал на то, что уже давно пора чем-нибудь подкрепиться, во всяком случае, ему.

Мятое и мокрое платье валялось на полу. Надевать его было противно, не надевать – стыдно. Уже стыдно. Пролетевший на горизонте лебедь-фрегат спугнул мечту, заставил отказаться от эротического острова и всех запретных удовольствий, пообещав за это вернуть Настю к прежней жизни. Пообещал, да обманул. Разочарование от обмана было настолько велико, что Настя не могла больше мечтать и получать удовольствие от себя, от жизни, от свободы. Недавнее открытие (сделанное не без помощи искушенной Женьки) теперь вызывало чувство неловкости и удивления. Морской антураж потерял былую красоту и романтичность, теперь от него веяло угрозой и страшной силой, которая в назначенный час вырвется из черных глубин, ломая и топя красивые корабли, безжалостно напоминая

человеку, что он всего лишь гость, не прощенный, ничтожный, слабый и сухопутный.

С недоброй ухмылкой Настя перебирала свой гардероб: от ярких цветов рябило в глазах – хотелось нравиться мужу, вызывать восхищение окружающих, хотелось нравиться в первую очередь себе, меняя наряды по три раза в день. Иначе как отличить празднование медового месяца от всех последующих дней? И кому нужны теперь эти красивые наряды?

– Негодились. Лишний груз...

Она рассеянно перебирала нарядные платья, ища что-нибудь более подходящее к случаю. В «тему» нашлось только одно, бледно-бледно-зеленое, в нежный цветочек, этакая слабая надежда увидеть когда-нибудь настоящие цветы.

Красивое тело снова спрятано под одежду, затагнуто стыдом, задавлено восстановленными плитами всяческих табу. Дикий остров запретных желаний решено затопить – дабы не смущал и не вводил в искушение.

Ненавязчивый лохматый друг вертелся под ногами и продолжал заглядывать в глаза с почти человеческим участием.

– Ты бы хоть говорить научился, одни мы с тобой тут и, похоже, надолго... Если повезет – плавать будем долго... Тогда, скорее всего, я научусь лаять, – невесело пошутила Настя. – А,

скорее всего, не повезет. Первый шторм – наш, – ещё печальнее закончила она и пошла в камбуз кормить друга, собеседника и просто хорошего пса.

С кормлением очень скоро было покончено. Друг, сытый и довольный пошел искать тень, где можно было подремать со вкусом. Настя осталась одна и вспомнила, что давно хочет есть. Прихватив с собой печенье, орехи, яблоки и горсть изюма, она тоже отправилась в поисках тени.

Высоко в синем небе плавился желтый диск, пронизывая раскаленными лучами воздух, нагревая океан, обжигая парусник и его пассажиров. Сонная нега царила на покинутом корабле, тишина и покой усыпляли тревогу. Казалось, в этом ласковом голубом раздолье не может случиться никакой беды, здесь будет вечная нега, покой и тишина.

Место в тени быстро нашлось – на корме, возле рулевой рубки. Там уже отдыхал разомлевший Пятница. Настя пристроилась рядом, прямо на палубе, оперлась спиной о тонкую стенку и с удовольствием принялась за еду. Чопорная тетушка из Петербурга была бы трижды шокирована недостойным поведением своей воспитанницы: первый раз – шок от завтрака всухомятку на полу; второй, пожалуй, самый убийственный от постыдных манипуляций с собственным телом; ну, а третий, пусть не такой сокрушительный, как предыдущий, но все равно

выбивающий землю из-под ног – у девушки из высшего общества вошло в привычку принимать пищу на полу, как это делают животные. Для чопорной тетушки это было бы страшным потрясением. На ее счастье Настя раскрылась во всей «красе» далеко от ее придирчивых глаз. Пятница, лежащий возле ног Анастасии, тихо посапывал во сне, в животе его жалобно урчала съеденная курочка, политая желудочным соком. Для непородистого пса и бывшего беспризорника нынешняя жизнь казалась сном упоительным, сытым, мягким и пушистым.

Пообедав на палубе, столь некультурным образом, Настя стряхнула крошки с платья, довольно потянулась и уже собиралась «опускаться» и дальше, следуя заразительному собачьему примеру, но передумала. На шхуне было одно место, куда Настю тянуло ещё раньше, с первых дней плавания, но присутствие матросов и вечный надзор Владимира не позволяли ей совершить маленькое романтическое безумие. Она пошла к тому месту, где встречались правый и левый борт, образуя острый нос корабля, который со свистом резал прозрачный воздух на две половины. Там, где рвалась воздушная «ткань», перехватывало дыхание от ветра, бешено колотилось сердце от дикого восторга. Стоило закрыть глаза – и ты птица, летящая над морем

стремительно, свободно, без усилий. Но для этого не достаточно просто прийти на нос и посмотреть вдаль, надо перебороть страх и залезть на фальшборт, упершись коленями в планшир. И тогда наградой за смелость будет восхитительный полет!

Теперь никто не помешает Насте превратиться в свободную птицу: ни удивленные взгляды матросов, ни запрещающий окрик мужа, ни даже страх, который перестал беспокоить Настю по таким пустякам.

Ни сразу Настя насмелилась подняться над палубой. Синие глаза её блестели от возбуждения ярче солнечного моря, и руки тряслись от радости и страха. Она всё же набралась смелости и безрассудства, разулась, поставила правую ногу на нижний поручень правого борта, потом левую ногу на левый борт и осторожно выпрямилась, стараясь сохранить равновесие. Первые минуты еще зажимает страх, не допуская никаких других эмоций...

Но скоро Настя успокоилась, распрямила спину, раскинула руки в стороны, закрыла глаза и замерла от внезапного восторга, резкого, бешеного, неземного... Она полетела! Она парила над океаном свободно и легко. Она резала грудью небо на две половины! Ветер по-разбойничьи свистел в ушах, и за спиной вырастали крылья. А сердце Насти билось радостно от звенящего

птичьего счастья, и останавливалось на мгновение, когда корабль падал с крутой волны в темно-синюю бездонную пропасть. Лицо обжигали соленые брызги, совсем близко плескался океан. Но вот проходят томительные секунды, и корабль птицей взлетает вверх к теплу, к небу, к солнцу! И снова Настя задыхается от безумного восторга.

Она «летала» до самого заката. Когда небо порозовело, Настя перестала быть «птицей». Она открыла глаза, опустила руки вдоль тела и превратилась в бушприт – продолжение корабля. Эта забава понравилась Насте ничуть ни меньше. Ветер все также бил в лицо, щеки задубели от соленых брызг, а сердце колотилось ещё сильнее, потому что Настя видела приближение волны. Потемневший гребень поднимает Анастасию вместе с кораблем, глаза у неё расширяются от дикой смеси страха, восторга, безумного упоения свободой и мощью корабля и океана. Замешанная на адреналине кровь кипит и брызжет. Но самое восхитительное впереди: корабль стремительно летит «с горы», вниз, в синюю бездну! И тут внезапно новая волна вырастает отвесной стеной. Настя кричит от жгучего адреналинового кайфа, она как в водяном ущелье, ещё секунда и судно врежется в океанскую «стену». Но неведомая сила в последний момент вырывает парусник из ущелья, он лишь царапнул концом бушприта по крутой

волне. И снова на гребне! Он спасен... Не успевает Настя прийти в себя от этого погружения, а на неё уже летит следующая волна, обещая повторить безумно-восторженные ощущения.

И снова корабль и океан дарили Насте новые эмоции, она была впервые счастлива детским, беззаботным счастьем, причина которого: свобода, ветер, океан! А розовый свет заходящего дня придавал экстремальным гонкам налет особого романтического очарования.

Это был самый яркий и, пожалуй, самый счастливый день в жизни Анастасии. За один день она успела вырваться на волю из тесных рамок строгого воспитания в соответствии с правилами светского этикета. И в этот же день она недозволенным образом наслаждалась собой и жизнью. Она надеялась, что так будет всегда. Но праздник непослушания подходил к концу: ноги болели, ныли и это уже сильно портило настроение. Если бы не они – Настя, безусловно, резвилась всю ночь.

До каюты Анастасия еле добралась, с трудом передвигая занемевшие ноги.

– Кажется, ноги мне завтра не понадобятся. И это очень и очень жаль. Хотелось бы продолжить, пока волны позволяют с собой играть. Кто знает, сколько ещё океан будет терпеть меня посреди себя?

Ближе к ночи Настю опять начали посещать мрачные мысли, ей казалось, что именно в темноте, под звездным небом налетит она на скалу или на большой корабль, не успевший сманеврировать. И шторм должен разыгаться непременно этой ночью.

С трудом докричавшись до Пятницы, Настя стала готовиться к беспокойному сну. Неблагодарная псина сегодня почему-то не хотела оберегать хозяйский сон и норовила сбежать из душной каюты на свежий воздух. Пришлось загнать ее насильно, отругать, принять необходимую дозу «успокоительной микстуры» против ночных страхов и притвориться спящей.

Пятница царапался у двери, пыхтел и просился выйти. И Настя, не взирая на «микстуру», начала бояться – опасность где-то рядом, быть может за дверью. Или собачье чутье слышит беду издалека? Может быть за десятки миль отсюда бушует шторм, дыбятся страшные волны, сотрясая воздух и ждут беззащитный кораблик «Анастасия» с девушкой Настей и собакой Пятницей на борту?

Не разгоняет страхи даже двойная порция рома – Настя все также напряжена, испугана и сна нет ни в одном глазу. Она злится и снова открывает бутылку с истинно мужским напитком. Резким, не дамским движением опрокидывает рюмку, морщится, тихонько крикает, опять же, по-мужски,

замечает себя в зеркале и не узнает: «Неужели это я пью ром?! Видел бы меня Владимир! О, нет, лучше не надо! Это зрелище не для слабонервных – тетушку и Владимира прошу не впускать!» – от третьей рюмки Настя всё же начала расслабляться, пьяненько хихикать над впечатлительными родственниками и говорить вслух.

– А сами попробовали бы заночевать тут на трезвую голову! Во что бы вы к утру превратились? В дряблый овощ с большими глазами... вот и всё. А я буду лучше ром хлестать, как старый матрос, как пират даже, только бы не слышать этих шу-шу-шу за дверью!

Отсутствующим родственникам Настя могла говорить всё, что угодно – стерпят без возражений. Лично для себя хотелось более детального расследования очередного преступления против канонов светского воспитания. Ночные кошмары, безусловно, послужили толчком к поиску средств самоуспокоения. Но Настя не могла себе объяснить, почему ей, не пившей в жизни ничего крепче шампанского (и то раз пять, не больше) вдруг пришло в голову спастись от страхов с помощью довольно крепкого спиртного напитка, который уже в первый раз она опрокинула в себя вполне уверенным Женькиным движением.

Скоро успокоился Пятница, лег возле кровати и мирно засопел. Глядя на него, успокоилась и

Настя, легла на подушку и тоже засопела. Где-то далеко, возможно, дыбились страшные волны, бушевал океан и ждал беззащитный кораблик, но пьяная девушка и собака спокойно спали и ничего не боялись.

Опять пришло утро. А за ним шел день, такой же безнадежный, как и предыдущий. Ноги у Насти болели так, что «полеты» на носу корабля пришлось отложить. Для рукотворного «дождя» вдруг стало жалко пресной воды, а «дикий остров желаний» стыдливая Настя затопила еще вчера. Весь день делать было нечего: заниматься рукоделием, прихваченным из дома, сейчас казалось в высшей степени глупо. Читать Настя не любила и раньше. Так, больше для важности взяла с собой в дорогу толстый дамский роман, от которого и прежде бросало в сон на пятом слове. А в нынешних, сильно изменившихся, условиях Настю ещё меньше трогали любовные коллизии выдуманных прекрасных дам и их, не менее прекрасных кавалеров. Оставалось два занятия: печально смотреть вдаль и принимать пищу в местах совершенно не приспособленных для этого. В столовую Настя даже не заглядывала, без сожаления расставшись с крахмальной салфеткой, отвыкая от ножа и вилки. Она, вообще, сильно одичала в компании Пятницы, легко перенимая его стиль жизни: есть – где хочется, спать – где

хочется. В основном это хотелось на палубе, в тенечке. И лишь страшная ночь гнала Настю в каюту, на человеческое ложе.

Через две недели одиночества Настя стала невероятно болтлива, она почти все время что-то говорила, говорила сама с собой, с Пятницей, с мачтой, с ветром, с командой дальних кораблей, которые белыми облаками проплывали по самому краю горизонта. Пришло время и Анастасия догадалась, что одноименная шхуна болтается очень далеко от главных морских путей и тогда перестала надеяться на встречу с кораблями-облаками, гораздо мягче стали её напутственные слова команде удаляющегося «облака». И все реже она вглядывалась в искрящуюся голубую даль.

Подходил к концу «медовый месяц» одиночного плавания. Месяц тупого однообразия и тихого отчаяния. Тридцать дней невероятной скуки. Все прелести жизни, которые Настя успела открыть для себя на второй, самый счастливый день плавания были завалены стопудовой апатией. Она невероятно устала от корабельного образа жизни: тяжелый подъем с легкого похмелья в час дня, когда солнце уже подбирается к зениту. Затем кормление прожорливого Пятницы и одновременное кормление себя. Борьба со скукой,

тоской, отчаянием забирает почти все силы и время. Не успевает Настя оглянуться по сторонам, как подходит время очередного кормления, а после него (так уж приучил Настю ленивый Пятница) – легкий релакс, там же, не отходя от обеденной зоны. Проснувшись через час-полтора, тупая и вялая Настя нечеловечески смотрит вдаль. Долго. Потом вздыхает печально. Вздыхает тоже долго... Так незаметно, за вздохами и вглядыванием вдаль подкрадывается ужин. После ужина еще немного поглядеть вдаль, пока небо не порозовеет от уставшего солнца. Не забыть тяжело вздохнуть в конце обзора и попрощаться на всякий случай с солнцем, небом, океаном. Дальше короткие приготовления ко сну: загнать в каюту Пятницу, отмерить успокоительную дозу рома и постараться прогнать ежевечерние мысли о том, что беда случится именно этой ночью. И хотя «Анастасия» уже целый месяц бороздила просторы ночного океана, избегая столкновения и не попадая в шторм, но для Насти 30-ая ночь была такая же последняя и страшная, как и первая. Все также с наступлением темноты пробуждались морские призраки, невидимые, но почти реальные. Каждую ночь они тихонько царапались в Настину дверь, толкали её, проверяя, не забыла ли теплая и живая девушка закрыть дверь на замок. И еле слышно стонали, то жалобно, то злобно, прося и требуя открыть.

Спасалась от них Настя проверенным «ромовым оберегом». Действовал он безотказно, но не устраняя причину страхов, а лишь временно притупляя слух и богатое воображение, которое по-своему толковало скрип разошедшегося дерева, хлопанье парусов, завывание ветра, шуршание серых крыс и трение воды о борт судна, всё то, что совершенно не пугало днем.

К рому Настя чувствовала все нарастающую привязанность, ощущения страшили и удивляли, но отказаться от рюмки на сон грядущий она не могла, по причине страха перед ночными монстрами. Но скоро к выдуманной опасности, живущей в больном воображении добавилась реальная – тень долгой и мучительной смерти от обезвоживания. Слишком поздно поняла Настя, что пресная вода в море – это жизнь. Рукотворный дождь и неэкономное расходование воды в хозяйственных целях привели к тому, что парусник «Анастасия» мог превратиться в плавучую пустыню в сердце бескрайнего океана соленой воды. Человек и собака будут мучиться от жажды, высыхать изнутри, погибая медленно среди ясного дня, когда лазурная гладь искрится миллионами жизнерадостных зайчиков и так хочется радоваться и жить.

Настя представляла себе эту картину довольно ясно и грамотно. Владимир знал о море всё. Кое-чем успел поделиться с молодой женой. Одна

из последних запоминающихся лекций была как раз на тему: «Как плохо в море без воды». Истории были ужасными, по большей части с трагическими финалами, которым предшествовали долгие, бесполезные мучения: люди, обезумев от жажды, пили кровь, морскую воду, мочу и все равно умирали, предварительно сойдя с ума. Некоторых, правда, спасали, и если высохшие, полубезумные скелеты не умирали по дороге домой – то жили бесконечно долго и до самой смерти страдали от подорванного здоровья и тяжелых воспоминаний.

Настя заранее не была готова страдать, сохнуть и сходить с ума. И даже умирать по дороге в порт она не была согласна. Она ещё как-то могла смириться с мыслью о быстром, внезапном конце под покровом ночи и под легким наркозом сна. Вариант с обезвоживанием ей совершенно не подходил. Но её несогласие и даже дикая вспышка ярости никак не меняла картины надвигающегося бедствия. Настя обшарила всю шхуну вдоль и поперек, заглядывала во все углы: кладовые, каюты, рубки, камбуз, трюмы. Все было перерыто самым тщательным образом и по десять раз. Но ничего нового, кроме единственного и последнего бочонка с пресной водой она не нашла. Анастасия готова была избить себя до крови, до переломов, до полусмерти за тот преступный пресный «дождь». И если бы только это могло вернуть ей те пять

драгоценных бочонка – у Насти не дрогнула бы рука.

– Последний анкерок... последний... А что мы будем пить потом?!!

Ярость сменилась детской растерянностью, отчего Настя стала похожа на большую говорящую куклу с шелковыми волосами и большими изумленно-испуганными глазами. Кукла Настя капризничала, дула губки и не хотела пополнять список завяленных на солнце скелетов.

Но кукла-Настя была одна на судне – за жертву и за капитана. Поэтому она не позволила себе долго и бестолково раскисать и приказала перейти на режим строжайшей экономии воды. И без всяких слез.

С этого дня вода из последнего бочонка резко подскочила в цене: хозяйка шхуны отмеряла её как золото, по крупицам, совсем маленькими порциями, лишь бы отодвинуть приход первого страшного дня без воды. Она молилась на последний анкерок, прося его быть вечным источником воды, она берегла его от качки, от жары и даже от себя, все сокращая и сокращая дневную порцию.

Быстро портились дружеские отношения с Пятницей, он постоянно ходил с высунутым языком и часто-часто дышал. Было жарко, всем хотелось пить, но Настя не могла объяснить ему, что скоро станет ещё хуже, что и тот один стакан

спасительной влаги скоро закончится. Пятница смотрел на свою хозяйку осуждающими глазами, прося, требуя прекратить наконец издевательства и налить полную миску воды. Но вместо этого Настя обливала его из брезентового ведра соленой водой, которая противно сохла, покрывая шерсть белым налетом. На себя Настя тоже лила морскую воду, но уже никакого удовольствия этот рукотворный соленый дождь ей не доставлял, она просто спасалась от приближающейся сухой смерти.

Воды в океане много, и Настя не жалея её (как месяц назад не жалела пресной воды) черпает из бездонного «колодца» уже третье ведро. Мокрая палуба блестит на солнце, зайчики прыгают по ней игриво и весело, но не могут отвлечь Настю от мрачного ожидания. Она тянет четвертое ведро и отправляется на поиски обозленного Пятницы. Мокрый подол липнет к ногам, мешая идти, но Настя не в том настроении, чтобы обнажаться. Азартные игры на удовольствие её больше не интересуют. Весь интерес сконцентрировался вокруг последнего бочонка с жизнью.

Пятница глухо рычит и пытается избежать соленого купания. Умная собака не понимает зачем хозяйка по пять раз в день обливает его водой, но не дает пить!!! Умная и преданная собака страдает от жажды, не понимает и очень злится. Настя, не обращая внимания на предупреждающее рычание,

окачивает Пятницу прохладной водой. Тот злится еще сильнее, но перестает дышать часто-часто, прячет обвисший язык за зубы и пить ему хочется чуть меньше.

Паруса, наполненные ветром, несут «Анастасию» по волнам, по неизвестному курсу, может быть навстречу штормам, пиратам и необитаемым островам... А может быть впереди её ждет мучительная смерть – оставшаяся вода в бочонке намекает на это с каждым днем все откровенней.

У Насти от страха пропал аппетит, она с удивлением кормит прожорливого Пятницу, который, ничего не подозревая, объедается на обреченной шхуне. Ей самой не лезет в горло ничего, кроме воды. Но один стакан в день «усох» уже до половины. Настя пыталась тянуть его в течение всего дня, но это было выше её сил, и чтобы не мучить себя, она выпивала весь дневной запас с утра и сразу же начинала ждать следующее утро, которое принесет временное облегчение пересохшему организму.

С Пятницей все было гораздо сложнее. Каждое утро Настя боролась с «черной» стороной своей души, та кричала открытым текстом: «Ты с ума сошла – полстакана воды ежедневно какой-то псине, которая даже не может оценить твоей жертвы! Из-за собаки ты сдохнешь гораздо раньше,

может быть тебе не хватить именно этих 100 грамм, чтобы дождаться помощи!» Но Настя упрямо сжимала зубы и, тихо плача сухими слезами, наливала «неблагодарной псине» спасительные 100 грамм воды. «Когда ты будешь сохнуть от жажды, как рыба на песке, ты вспомнишь про мои слова!» – стонала от страха и бессилия «черная» сторона души. А «светлая» – твердила одни и те же незнакомые слова, которые кто-то шептал ей прямо в ухо: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но каждый раз, после того как Настя с мясом отрывала от себя полстакана «священной» воды для собаки, Пятница разочаровывал её своим свинским поведением. Вылакав за одно мгновение всю дневную порцию, он тут же начинал требовать добавки. Измученный жаждой, он злился на Настю с каждым днем все сильнее и сильнее, хватал зубами за платье, рычал, не отпуская от миски, иногда пытался даже укусить. Умный пес не понимал, зачем хозяйка продолжает издеваться над ним уже 15 дней.

После того, как Пятница в «благодарность» за очередную жертву, укусил Настю за ногу, причем почти серьезно, до крови, она убежала от него в каюту, заперлась там и долго плакала от боли, отчаяния и от страха потерять последнего друга. Слезы текли рекой. Забыв, что воду надо беречь, Настя яростно выдавливала из обезвоженного тела

последние запасы жидкости. Она умывалась слезами, она пила их, она захлебывалась ими. Все мужество вдруг оставило её, и она начала медленно и мучительно сходить с ума от ужаса – смерть, казалось, уже дышала ей в лицо – сухо и жарко.

А шхуна, тихонько покачиваясь на пологих волнах, баюкала ревущую от страха Настю. В иллюминаторе синело ласковое море, а в чистом небе катился огненный шар, разбрасывая искры по бирюзовым шелкам. На этом иллюзия торжества добра и красоты не заканчивалось: по стенам, потолку, полу и даже по самой Анастасии плавали зеркальные блики отраженной воды. В такой прелестной обстановке полагалось мечтать о чем-нибудь прекрасном, возвышенном. И если уж плакать, так только от несчастной любви.

Настя грубо нарушала морскую идиллию резкими, уже судорожными всхлипами и безумными глазами, как у загнанной в угол крысы. Её дикие мысли ещё меньше гармонировали с атмосферой тихого праздника жизни: «Я утоплю его! Сейчас пойду и брошу его за борт! Все равно мы тут подохнем без воды... Сначала его, потом сама... Я с ним последней каплей делюсь, а он меня кусает!!! Сбесился, что ли?!»

У Насти от обиды с новой силой просится слеза, а мысли возвращаются к самому страшному – воды осталось на три дня, всего на три... «А там

что??? Нас не спасут. Нет. Мы уже больше месяца киснем в этом чертовом океане, а я видела только четыре белых пятна где-то далеко за горизонтом. Или это вообще мне показалось».

Настя торопилась поскорее убедить себя в полной безнадежности положения, чтобы хоть как-то оправдать безвольное решение.

– Да, конечно, показалось! Тут никто не ходит, мы сбились с пути... И уж, если за целый месяц не было ни одного корабля – я не буду наивной душой – наша песенка спета, – страшная догадка давно витала в воздухе, Настя успела привыкнуть к ней, а сейчас она подействовала, даже ободряющее. – Три дня все равно ничего не изменят. А значит... значит...

Настя быстро поднималась на палубу, забыв о покусанной ноге и о Пятнице. Она спешила в камбуз. Возле дверей камбуза дежурил Пятница, он сидел перед пустой миской в печальной позе ожидания: уши повисли на щеках, сухой розовый язык трясется от частого дыхания, и весь он такой жалкий и включенный. Увидев приближающуюся Настю, он словно ожил: вскочил, подобрал уши и сухой язык, завилял всем телом от радости и надежды. Он давно забыл о своей безобразной выходке, успел соскучиться по Насте, а кроме того он сильно надеялся, что злые шутки с водой уже закончились.

Тяжело было Насте проходить мимо «танцующего» Пятницы, она старалась не смотреть на него: но что решено – то решено!

Она прошла мимо, плотно закрыла за собой дверь камбуза, чтобы Пятница не смог подглядеть за ней. Но он чувствует предательство и тихо завывает под дверью. Не слушая ни его, ни слабого бормотания в защиту тех, кого приручили, Настя достаёт из-под стола последний бочонок с последними стаканами «жизни». От волнения у нее дрожат руки, жадно горят глаза и сухие губы. Она торопится в последний раз напоить себя досыта, хоть на время покинуть обжигающую пустыню и освежиться в призрачном оазисе. Ей так сильно хочется пить, что она чуть не ломает зубами стекло, припадая к источнику. Пока живительные струи льются в неё – Настя ничего не видит, не слышит, не боится. В эти счастливые минуты она радуется воде – источнику жизни!

Но вот вода закончилась, вся до последней капли... Теперь корабль настоящая плавучая пустыня без признаков оазиса. Теперь остается только ждать когда придет она – страшная, сухая, незаметная смерть. И Настя сейчас приблизила её приход ровно на три дня. Да ещё отобрала у Пятницы несколько часов жизни. В ушах шумело от ужасающего факта – воды больше нет!!! Воды больше нет!!!

Ну что ж – нет так нет... И Настя начала готовиться к ЕЁ приходу...

В дверь царапался обделенный Пятница. Настя не оставила ему ни глотка. Как ей смотреть в его глаза?

Он все также радостно встречал вышедшую из камбуза хозяйку, но сейчас его взгляды на пустую миску были красноречивее человеческой мольбы.

Настя снова прошла мимо, не останавливаясь, не отвечая на приветствия. Она шла на корму, в тень рулевой рубки, там, где они в старые и относительно добрые времена отдыхали после сытных «застолтий».

За кормой тянулся длинный серебристый след, попутный ветер ровно дул в паруса, корабль куда-то торопился по своим делам, не обращая внимания на пассажиров, которым уже некуда спешить.

Настя больше не смотрела вдаль с надеждой и тоской, она смотрела тупо, без всякой надежды и отрешенно думала о том, какой же неудачный оказался этот «медовый месяц».

Посторонний шум на палубе отвлекал её внимание, что-то беспорядочно шумело и приближалось. Настя выглянула из-за угла рубки и от жалости у неё закололо в груди. Она хорошо понимала, что чувствует сейчас несчастная собака! Она сама недавно из-за этого невыносимого чувства

совершила подлость и последнюю ошибку. Она уже знала, что значит сохнуть изнутри! И ещё она знала, в отличие от Пятницы, что надеяться им не на что. Она смирилась и ждала того момента, когда станет совсем неспособна, чтобы легко, обезумевшим от страданий телом перевалиться через борт, в океан соленой воды. А бедное животное ни о чем таком не знало и даже не догадывалось. Пятница уже не злился, он плакал, он просил, он умолял закончить пытку. Грохотала пустая миска, которую он носом толкал впереди себя.

Невыносимо было смотреть на отчаянные, но совершенно бесполезные попытки Пятницы выпросить воды. А он все толкал и гремел пустой миской, пока не добрался до Насти. Потом уселся перед ней с таким просящим выражением собачьего лица, печально моргая, как будто прогоняя слезу, что у Насти что-то порвалось в груди от жалости, беспомощности, сострадания и бессильной ярости.

А Пятница просил и смотрел, смотрел и просил, как может смотреть умная собака, измученная жаждой. Он заглядывал Насте в глаза и удивлялся её недогадливости. Добрая, но глупая хозяйка не понимала. Тогда, для особо непонятливых, он лизнул горячим языком по сухой тарелке – яснее сказать он уже не мог.

Настя очнулась. Она поняла! Но не только то, что хотел сказать ей Пятница. Она поняла, что не

может смотреть на мучения лучшего друга, с которым целый месяц жили душа в душу на заброшенном корабле, плечо к плечу в страшной ночи. Неизвестно откуда появились силы, и она легко, как пушинку, поднимает взрослого пса, в котором было больше 10 кило еще живого веса, и тащит к борту, чтоб прекратить его мучения. Пятница не злится, не вырывается, он доверчиво заглядывает ей в лицо, и в его глазах любовь и преданность. Он даже пытается лизнуть Настю в нос. Уже у самого борта ему это удастся. И Настя сразу же раскисает от прикосновения горячего влажного языка своего несчастного еще живого пса. Она валится на палубу без сил, сраженная нежностью любимого друга.

Общая беда стерла грань между человеком и собакой, сейчас на корабле мучились и страдали два живых существа. Они любили друг друга и хотели жить.

Пятница затих у Насти на коленях. Теперь он понял, что воду у них отнял какой-то невидимый жестокий враг. Это он мучает его и любимую хозяйку.

Настя гладила Пятницу по голове и казнила себя за очередную «слабость»:

– Я даже не могу тебя избавить от мучений... Я ничего не могу. Я купалась в пресной воде!!! Я сегодня выпила всю оставшуюся воду. И твою

порцию тоже. Вот так. Теперь ты больше не будешь пить. И я тоже. Я во всем виновата, я обрекаю нас на страшную смерть! Но я даже не могу сделать её короткой и не такой мучительной... Прости меня, мой милый доверчивый Пятница, я не могу ничем нам помочь.

Собака слушала внимательно и лишь иногда тяжело вздыхала, как будто заранее соглашалась разделить с ней все приготовленные страдания.

Ещё не настало время обеда, а солнце кусалось голодным зверем. От удушливой жары болела голова и плыли перед глазами темные круги. Затылок припекало и Настя чувствовала все признаки приближающегося теплового удара.

«Анастасия» вошла в зону мертвого штиля: паруса вдруг безжизненно обвисли, пропал ветер и стало душно, словно корабль окутали воздухопроницаемой пленкой.

Облизывая пересохшие губы, Настя переползла в тень. За ней полз верный Пятница. Но даже в тени не было спасения от нависшей духоты. Освежающий ветер куда-то исчез, шхуна качалась на волнах и никуда не плыла.

К полудню стало невыносимо, казалось, что раскаленная, дышащая жаром печь находится где-то рядом, она вытягивает из тела последнюю влагу и сжигает кислород.

На палубе валялись два распластанных,

обезвоженных тела: Пятница лежал на боку, свесив сухой язык и часто, тяжело дышал; Настя лежала рядом, лицо ее было красное, обожженное, губы потрескались и просили пить.

Настя ослабела, она не хотела обливать себя и Пятницу водой из океана, она больше не хотела временных облегчений, она больше ничего не хотела, даже пить... Она торопила приход страшной сухой спасительницы.

Даже сквозь прикрытые веки Настя замечает, что стало темнее, как будто, нарушив установленный порядок, на море опустился вечер. Настя долго не решалась открыть глаза, боясь в очередной раз испытать тяжесть разочарования. «Белые облака» на далекой линии горизонта уже приучили её не особенно верить в чудеса. Она тянула время, обещая себе открыть глаза сразу же после цифры десять. Счет уже перевалил за тысячу, а Настя продолжала бороться с нерешительностью. Наконец, сказав твердое «раз, два, три», она открыла глаза.

На этот раз похоже действительно случилось чудо: обжигающее солнце спрятала серая пелена, такая плотная, что не пропускала сквозь себя ни одного ненавистного лучика. И хотя по-прежнему было душно, и застывший воздух плавился от жары – реальная надежда на спасение вернула Насте

силы. Она ожила.

– Тучи! Тучи! Пятница, смотри – солнца нет, оно в тучах! Будет дождь, будет вода... будем жить! – тормошила Настя измученное животное.

Пятница вильнул в ответ хвостом два раза. Глаза его смотрели виновато, он как бы извинялся за такую вялую реакцию на радость хозяйки.

А Настя уже летала по палубе, собирая со всего корабля емкости для небесной воды. Скоро на палубе не осталось свободного места: чашки, тарелки, кастрюли, тазы, баки и просто расстеленный брезент были готовы к дождю.

Небо грозилось, темнело, обнадеживало Настю, а к вечеру взяло да и расчистилось... Сначала сквозь тучи пробился один слабый луч предзакатного солнца, за ним второй, третий, четвертый. И вот уже розовый закат нежно подсвечивает ясное небо. В другое время Настя непременно залюбовалась бы полыхающими красными и переливающимися голубыми красками. Она любила смотреть на картины, которые рисовала сама природа, они были неподражаемы, они удивляли невыдуманной, искренней красотой.

Но в этот безоблачный вечер Настя была далека от получения эстетического удовольствия. Розово-голубая мазня вызывала у неё приступы звериной ярости. Девушка металась по палубе, пиная и разбрасывая не пригодившуюся тару, и

проклинала все, что попадалось ей на пересохший язык. Она грозила кулаком ненавистному солнцу, гнала его прочь, ругала самыми последними словами и обещала сегодня же броситься в океан.

В самый неподходящий момент Пятница предпринял ещё одну попытку напомнить о себе. Он уже знал, что от Насти ничего не зависит, но ему очень хотелось пить... Отыскав среди разбросанных посуды свою, в которой раньше всегда была вода, он зажал её крепко в зубах и пошел к Насте. А в глазах все та же кричащая мольба. Он подошел к Насте со спины и легонько толкнул её чашкой в ногу. Настя пружинисто развернулась. На мгновение поток проклятий оборвался. А потом она злобно прорычала:

– Дай сюда! Дай сюда! Она тебе больше не пригодиться!

И вырвала миску с такой силой, что чуть не свернула Пятнице шею.

– На, собака, получай! – это уже обращение к солнцу.

И вслед за словами в горячий диск летит собачья миска, пущенная с силой и скоростью снаряда. Но Настя, конечно же, не попала в цель. Не причинив никому вреда, посуда плюхнулась в воду и сразу же пошла ко дну.

Долго Настя ещё продолжала бесноваться, по достоинству оценив милый розыгрыш с дождем.

– Смешно! Можно умереть со смеху... Я, наверное, так и сделаю! И вообще, я не буду больше прятаться в душной каюте, а завалюсь прямо здесь на палубе, как собака, среди пустых кастрюль и банок. Уж если пришла пора веселиться, так буду веселиться на полную катушку! Кого стесняться?! Кого бояться?! Этих, что ли? – стонущих и шуршащих? Так я плевать на них хотела! Натe, берите – вот она я, зачем ждать ночи?! Ничего, я скоро сама стану одним из вас и тоже буду пугать трусливых пассажиров!

В яростном запале Настя смело бросала вызов сразу всем: солнцу, океану, морским призракам. Она избавилась от страхов и впервые, за несколько последних недель, почувствовала полное безразличие ко всем опасностям и ужасам этого мира.

Подтверждая свои слова действиями, она легла на расстеленный на палубе кусок брезента, который приготовила для сбора воды. Но по случаю отмены дождя можно было использовать его в качестве спального места. Что и было сделано довольно демонстративно. Так же демонстративно Настя отказалась от ежевечерней порции рома, без которого раньше даже и не пыталась встречать ночь. Казалось, что уже можно праздновать оглушительную победу над всеми страхами. Но...

На небе вспыхнула первая звезда. От моря

потянуло прохладой, стало легче дышать. Сумерки понемногу сгущались, нагоняя тревожное ожидание чего-то. А над водой поднимался легкий, призрачный туман, как ненавязчивая декорация к зловещему спектаклю.

Гнетущая тишина полного штиля... И вдруг хлопок паруса. Он прозвучал пушечным выстрелом.

От испуга Настя тихо ойкнула и сразу же начала искать глазами виновника своего испуга. На «Анастасии» все паруса по-прежнему висели безжизненно, как белье на реях. Ветра не было и в помине – мертвый штиль.

И вдруг снова захлопали паруса, надуваемые попутным ветром.

Настя вскочила с брезентового ложа, кинулась к борту. И замерла, скованная ледяным ужасом... Прямо на неё мчалась двухмачтовая бригантина. Ветер дух в истрепанные паруса, оглушительно хлопая ими в зловещей тишине полного штиля. Настя перестала дышать, кожа покрылась противными холодными мурашками, а кровь всё отливала от кожи, до тех пор, пока Настя не стала блее парусов корабля-призрака.

Окутанный туманом, с погашенными корабельными огнями, «Летучий голландец» торопился в гости к Анастасии. На сгнившей палубе качались страшные тени в истлевших лохмотьях, а на мостике, приветствуя «Анастасию»,

печально улыбался капитан. В костлявых руках его зажата дымящаяся трубка...

Вцепившись бесчувственными пальцами в поручни фальшборта, Настя смотрела на приближающийся призрак безумными глазами, у неё мутился рассудок от беззубой улыбки курящего скитальца.

Ярдах в пяти жуткая бригантина повернула нос и в торжественной тишине продолжила свой путь в никуда. Настю обдало промозглым холодом из неживого прошлого, ее шхуна качнулась на пологих волнах, идущих от мертвой бригантины. Настин крик оборвался на вздохе, она страшно закатила глаза и упала в обморок.

Ключья рыхлого тумана поднимались от воды все выше и выше, намереваясь поглотить беззащитный кораблик, затерявшийся в серой мгле. Наконец, белый дым поднялся до палубы, перевалил через борт и оказался на судне единственным хозяином. Скоро сама Анастасия и одноименная шхуна утонули в густом влажном облаке.

Куда исчез «Летучий голландец» и был ли он вообще – на этот вопрос могло ответить только море. Но оно молчало, надежно пряча свои тайны по черным безднам, там, где покоились бесчисленные жертвы необузданной морской стихии.

Сознание вернулось к Насте довольно быстро – туман ещё не успел развеяться. И тем страшнее было возвращение в реальность. Обморок был не глубокий, память не пострадала, и Насте хватило секунды, чтобы вспомнить жуткий оскал истлевшего капитана. От тихого ужаса у неё зашевелились волосы на затылке, крик подступал к горлу, но она не могла кричать – челюсти сдавила судорога, язык не слушался и боялся нарушать затаившуюся тишину.

Туман сделал Настю почти слепой, она не видела где притаились гости с «Летучего голландца», поэтому они казались ей везде: за мачтой, за баком, за свернутым куском брезента. Они сидели на реях, свешивались гроздьями из «вороньего гнезда» и, конечно, прятались в её каюте. И ждали, ждали момента, чтобы наброситься, вцепиться зубами в ее тело.

Настя бежала в капитанскую каюту – это было единственное надежное убежище, в котором она уже больше месяца спасалась от местных призраков. Сердце почти не билось, когда она шагнула в настороженную темноту каюты. Вариантов не было – если суждено сойти с ума – то пусть это произойдет «дома».

И только когда загорелась лампа, тускло осветив пустые углы, Настя смогла, наконец, вздохнуть – каюта, кажется, была пуста.

Но ужас притаился кругом, и свет лишь на короткое время ослепил ночных странников. Скоро они привыкнут к тусклому огню, и не боясь его, придут за Настей.

Однако, было у неё одно надежное, хорошо проверенное средство от местных призраков. К нему-то она и тянула сейчас свои трясущиеся руки. Дрожь сотрясала их с такой силой, что на столе образовалась большая лужа пролитого рома. Потом рюмка, наполненная до краев, билась о Настины зубы. Поймав момент относительного затишья, Настя глотает ром рюмка за рюмкой. «Лечебная» доза уже давно превышена, но ожидаемого эффекта не наблюдается. Крепкий спиртной напиток пасует перед гостями с «Летучего голландца».

Диким голосом Настя зовет Пятницу. Ученая собака не сразу отзывается – слишком страшно и незнакомо кричит любимая хозяйка.

Но вот мало-помалу доза, в два раза превышающая лечебную, начинает действовать: затихает дрожь, куда-то уходит судорога, расслабляются скрюченные руки, язык начинает шевелиться и говорить своим прежним, хотя уже изрядно пьяным голосом:

– Ха-а, ну что, съели, демоны? Я так просто не дамся. Не спешу вливаться в ваши стройные ряды...

Тут рюмка выпала из рук, Настя пошатнулась

и наступила на неё. Раздался жалобный хруст и пьяная девушка лишилась «дозиметра».

– Ах ты, черт! не к ночи будь помянут, – смело ругнулась она и пошла блуждать по каюте в поисках другого измерительного сосуда, потому как пить прямо из горла нежная барышня ещё не научилась.

На туалетном столике, среди флаконов и разных парфюмерных пузырьков она обнаружила недопитый стакан чая из лучших времен. Он уже слегка зацвел и выглядел совсем не аппетитно, но выбирать тут не из чего. Настя сняла разноцветную плесень и позвала Пятницу:

– Пятница, друг, иди скорее ко мне! Я тут нашла тебе сто грамм...

Пес, захлебываясь, жадно глотал кислую золотистую жидкость. А Настя вдруг начала стремительно пьянеть. Выпитое количество рома чуть-чуть не дотягивало до самой, что ни на есть, смертельной дозы. Не отвлеклась бы она на поиски «дозиметра», то сейчас уже, наверняка, валялась в некрасивой позе, с пеной у рта. А так она отделалась всего лишь головокружительным полетом на пьяной карусели.

Слабый организм барышни реагировал чрезвычайно бурно. Так бурно, что Настя перестала верить в существование морских призраков и «Летучих голландцев». Более того, её собственное

существование казалось под большим вопросом. Единственное, что она запомнила перед тем, как сесть на тошнотворную карусель – брошенная в дверь пустая бутылка, которая разбилась неестественно тихо, и свой голос, звучащий откуда-то издалека, через вату:

– Подумаешь, напугали... обтрепались все, бродяги... боюсь вас адски...

А потом она загорланила во всю пьяную глотку незнакомую песню из советского кинофильма:

– А нам все равно! А нам все равно... пусть боимся мы волка и сову!

Песня со словами на злобу дня, точнее, ночи, невероятно рассмешила девушку, только что сходящую с ума от ужаса. Сразу же после этих слов, оказавшихся пророческими, бедной Насте стало действительно все равно. Ночь пролетела как одна короткая, но очень сумасшедшая секунда.

Когда Настя очнулась от пьяного угара, было светло и очень плохо. От ночных страхов не осталось и следа, если не считать «следов» по всей каюте. И судя по их расположению, Настю швыряло из стороны в сторону, как во время убийственного шторма.

Девушка из высшего общества лежала поперек кровати и громко стонала: голова трещала,

как сухие дрова в печи, от солнечных бликов болели глаза, а во рту творилось что-то на редкость неприличное. И кроме того, сильно хотелось пить. Во много раз сильнее, чем за все последние сухие дни вместе взятые. Настя отдала бы и душу и тело за глоток воды. Но никто не предлагал ей столь выгодного обмена. Настя, наверное, выпила бы море, вот только не могла оторвать голову от подушки. Так и пролежала она до самого обеда, страдая от первого в своей жизни похмелья, а ещё больше от сознания того, что рома, как средства ухода от ночной и очень страшной действительности для нее больше не существует. Даже мимолетное воспоминание об этом напитке вызвало у страдающей невыносимые приступы дурноты.

От перегара в каюте невозможно дышать. Милая барышня из 19 века так испортила воздух, что глаза слезились не только у неё, но даже дворовый пес часто моргал и просился на свежий воздух.

Они вышли вместе – подышать перед смертью.

Небо снова повторяло вчерашнюю шутку с дождем, один в один: серая пелена затянула послеобеденное солнце, ветер стих и нестерпимая удушливая жара предвещала грозу.

Но во второй раз Настя не покупалась на лживые обещания. Она даже не обрадовалась свинцовым тучам, которые постепенно вытесняли серую пелену.

– Все равно к вечеру рассосется. Вчера, помнится, тоже грозило. А чем закончилось?

Ей стало страшно при воспоминании о том, чем же закончился вчерашний день. Ещё страшнее было ждать нынешнего вечера без привычной пьяной защиты. И без всякой надежды.

– Зачем ждать? А, Пятница, как ты думаешь? Я, лично, не люблю страдать... А ты?

Пятница уныло молчал.

Не сильно рассчитывая на ответ, Настя, пользуясь своими неограниченными полномочиями, собралась сама решать судьбу Пятницы, а заодно и свою.

Вот только небо грозило и хмурилось почти по-настоящему, во всяком случае, гораздо убедительней, чем в прошлый раз.

И Настя снова поверила небу и отложила расправу над собой и Пятницей до более подходящего момента. Опять со вчерашним энтузиазмом она расставляла тару для воды, опять жадно смотрела вверх и облизывала пересохшие губы. Казалось, вода должна пойти с минуты на минуту: Настя чувствовала как увлажняется воздух от первых, невидимых капель, рот сам открывался и

ловил влажный воздух жадными глотками.

И вот, наконец, пошел настоящий дождь! Щедрыми каплями плюхался он в плоски, приготовленные Настей, барабанил по крышам палубных надстроек, врезался тонкими иглами в упругие воды потемневшей Атлантики и утолял жажду двух измученных существ – собаки и человека. От счастья Настя плачет, не останавливаясь, пьет и плачет. Теперь она знает цену пресной воде, теперь уж она запасет её в таких количествах, что лучше потопит корабль, чем пустит на палубу сухую смерть. Смерть от жажды им больше не грозит. Любая другая – пожалуйста, но эта долгая, мучительная, иссушающая – ни за что! И Пятница ожил, повеселел, он бегал от тарелки к чашке, от чашки к тазику и пил, пил, пил, громко лакая и урча от удовольствия.

На шхуне, где только что царило уныние и страх, праздновали День дождя!

Изрешеченная дождем, но ещё гладкая и спокойная поверхность океана, внезапно покрылась рябью. Это был первый звонок, объявляющий о скором начале грандиозного представления. Настя его не услышала. Она была всецело поглощена Праздником дождя.

Резкий шквалистый ветер вдруг истерично завыл в парусах, а за ним слабый, как бы пробный

толчок в борт корабля. Шхуна качнулась и тут же гордо выпрямилась. Океан в ответ зловеще ухмыльнулся. И второй «звонок» замечен не был. А между тем подготовка к действию шла полным ходом. Ветер уже откровенно кричал о том, что скоро грянет буря.

Не обращая внимания на грозные предупреждения, Настя сливала дождевую воду в бочонок. Ничто не могло отвлечь её от этого чрезвычайно приятного и полезного занятия, даже третий «звонок» – начало опасной бортовой качки, когда волны уже зло били по кораблю огромной темно-синей лапой.

И вот приготовления закончились. Нептун дает сигнал к началу шторма. Настя должна заплатить ему дань за пользование «живой водой»: она украла у повелителя морей целых 2 бочонка дождевой воды, и это не считая тех литров, которые выпили они с Пятницей сразу же после начала осадков.

То, что цена за украденную воду будет достаточно высокой, Настя поняла очень скоро. Ветер крепчал, волны дыбились все выше и выше. После очередного полета с гребня волны вниз, в водяную пропасть, Настя напряженно ждала затихания шторма, ей казалось – вот он самый пик, самая кульминация шторма. Сильнее быть уже не может!

На самом деле это было всего лишь вступление. Нептун сегодня был в ударе, он хотел поразить девушку невероятной мощностью, а потом обессиленную, измученную затащить в свое подводное царство. Настя пока только вяло и беспомощно отказывалась от приглашения пойти на дно. У неё не было ни опыта, ни знания, ни сил бороться со стихией, которая легко топила корабли, управляемыми отважными и опытными капитанами.

Судно шло бортом к волне и от каждого удара опасно кренилось на бок. Палуба была пуста, по ней гуляли волны, и лишь два драгоценных бочонка с дождевой водой были надежно спрятаны в камбузе под столом.

От бешеной качки Настя обезумела, штормовое море уже полностью заливало палубу с каждым ударом волны. Плохо соображающая девушка обхватила грот-мачту двумя руками и покорно приготовилась ждать последней волны.

Ветер уже не свистел, он яростно визжал в ушах, в снастях, в порванных парусах. Он мчался плотной стеной, врываясь в легкие. Настя задыхалась от его натиска, она не могла дышать. А ветер дул все сильнее, поднимая огромные свинцовые волны.

А потом «Анастасия» вдруг сильно накренилась на подветренный борт и замерла, глядя

в пропасть. Ветер стих, потому что на его пути встала огромная волна, она нависла над кораблем, заслонила небо в страшных тучах. Настя смотрела на неё безумными глазами, не веря в то, что вода может быть так ужасна.

Волна нависла над кораблем, замерла, как бы примериваясь перед ударом, хищно сверкнула пена на её взъерошенном гребне... и пошла стремительно вниз. Шхуна содрогнулась от удара невиданной силы: трещала палуба, обшивка корпуса, лопались снасти, рвались паруса. Грохотала падающая с небес вода, которая в одно мгновение оторвала Настю от грот-мачты, сбила с ног и поволокла в океан. Настя захлебывалась, кашляла, кричала от страха и... звала Пятницу.

Маленький корабль бился в конвульсиях, пытаясь выжить в смертельной схватке с громадной волной, которая легко, словно шутя, опрокинула его на бок, как тоненький прутик переломила грот-мачту с намокшими парусами и, не позволяя встать на киль, с яростной злобой прижимала к воде. Мачты лежали горизонтально, полоща изодранные паруса в кипящей воде. В последнюю секунду Настя успела зацепиться за снасть обломленной грот-мачты и теперь висела над черной пропастью мокрая, оглушенная и полуживая.

Нептун настойчиво звал ее в гости, где всегда

тихо, спокойно и темно. Так было внизу. А на поверхности свирепел безумный океан – упрямое суденышко не пошло на дно от первой же оплеухи, оно посмело бросить вызов демонам морей.

Следующая волна, посланная на корабль, была намного больше первой, той, что играючи опрокинула «Анастасию». Именно на эту волну Настя глядела с зачарованным ужасом. Она ждала от неё смерти, но продолжала, не моргая, не отводя глаз, смотреть как плавно поднимается водяная глыба, как вырастает в сплошную темную стену, сливаясь со свинцовыми тучами. Маленький кораблик провалился в темное ущелье, образовавшееся между двумя отвесными волнами, похожими на каменные утесы, страшные, неприступные, не знающие жалости. Наконец волна перестала расти, остановившись на высоте 8 метров. Смотреть на неё было жутко, не смотреть – невозможно. Её свирепая ярость и мощь завораживали, притягивали взгляд и подавляли всякое желание сопротивляться.

Настя свисала с мачты беспомощным червячком, раскачиваясь на канате, и ждала последнего удара. Сейчас волна обрушится на корабль и разобьет в щепки творение рук человеческих, торжествуя очередную победу над своим вечным врагом – покорителем морей.

Но удар оказался неточным. Гигантская волна

промахнулась. Она чуть-чуть не долетела до шхуны, упала с наветренного борта, поднырнула под лежащий на боку парусник, и выскочила с подветренного борта, подняв такой высокий вал, что благодаря ему, «Анастасия» выровнялась и встала на киль. А для самой Анастасии поднятие судна чуть не стоило жизни. Её положение в пространстве резко изменилось: она полетела за выравнивающийся грот-мачтой с головокружительной скоростью, как пуля просвистела над, установившейся горизонтально, палубой и продолжила полет за борт. От рывка чуть не оторвались руки. Потом она крутанулась волчком над бушующим океаном и так же, со свистом и криком вернулась назад к мачте. Хорошо, что успела выставить вперед ноги – они хоть как-то смягчили удар. Но и без того – акробатический трюк под «куполом корабля» был настолько болезненным, что Настя кричала от боли и от страха, временами заглушая рев океана. Когда она встала на ровную палубу, руки у неё болтались как у печального Пьеро, длинные и безвольные. Растянутые связки болели невыносимо, ободранную до крови кожу разъедала морская соль, но хрупкая девушка Настя уже не обращала внимания на физическую боль. Другая боль – душевная заставляла её стискивать зубы и стонать тихо, по-новому, по-мужски. Пятница, милый друг

Пятница, который за время плавания, и особенно за последние безводные недели стал дороже любого человека, скорее всего смыт в океан! У него нет рук, чтобы зацепиться за канат или ухватиться за борт, у него практически нет шансов остаться живым на вертикальной палубе. Даже исчезновение, а скорее всего гибель своего мужа Владимира Настя переживала не так сильно, как гибель верного пса. Она звала охрипшим голосом: «Пятница, ко мне!», но не верила, что он её услышит, не верила, что вылезет его лохматая голова с испуганными, но такими влюбленными глазами. Настя готова была разразиться чем-нибудь вызывающе-проклинающим, но побоялась злить и без того взбешенный океан. Теперь, когда по камбузу катаются два полненьких бочонка с водой Насте захотелось побороться за свою жизнь.

Вблизи смерть, мокрая и быстрая, оказалась ещё страшней её подруги – долгой и сухой. И пока все преимущества были на её стороне – достаточно дождаться следующей волны и борьба будет проиграна окончательно, без всякой надежды на то, чтобы отыгратья.

Не прекращая звать Пятницу, осипшим и почти сорванным голосом, Настя бежит на корму, держась за планшир и попадающиеся на пути снасти. Весь объем занимательных морских историй, услышанных от Владимира,

прокручивается в памяти с молниеносной быстротой. Мозг выхватывает лишь самые полезные куски информации, сортируя их по степени важности.

– Так, значит, носом к волне... Если ударит в борт – нам конец! Надо развернуть... Переложить штурвал вправо... Легко сказать... Но сделать надо! – отдает себе приказ юный капитан, не обращая внимания на трусливый голос сомнений. – Ещё одна бортовая волна и судно больше не встанет. Хочешь – не хочешь – надо идти на таран. А потом, а потом? Что потом?! Зарифлять паруса... Ага, совсем смешно... Видеть – не значит уметь. Да и не смогу я одна, какой из меня матрос! Но с парусами нельзя, они меня перевернут... А, рубить к чертям все снасти, всё подряд, что попадется под руку! – и опять жалобный хриплый крик. – Пятница, Пятница, ко мне!

Она пробежала мимо камбуза и оттуда ей послышался какой-то жалобный скрип – это скулил перепуганный, немного задавленный пес. В эпицентре страшного хаоса, опасности и бушующих волн у Насти вырывается крик радости. От счастья она на мгновение забывает о гигантских водяных горах, которые подступают все ближе, и которые в состоянии исправить свой первый промах. Её преданный любимый пёсик жив!!!

Бедный Пятница забился под сломанный стол,

надеясь там укрыться от ожившей кухонной утвари. От мелочи стол спасал, но зато тяжелые мешки с крупой основательно завалили испуганного и оглушенного пса.

Потеряв на расчистке завалов несколько драгоценных секунд, Настя освободила любимого друга.

В иллюминаторе исчезло небо – это шла третья волна. Спешит, торопится исправить ошибку предыдущей волны-убийцы. Медлить больше нельзя. Настя бежит к штурвалу не обращая внимания на качку, не оглядываясь назад и только кричит, надрывая связки:

– Пятница, за мной!

Прихрамывая и пугливо ёжась, Пятница послушно двинулся за Настей. Но у дверей камбуза остановился, он никак не решался выходить на палубу, через которую перекатываются огромные волны и где безумствует ветер, врываясь в легкие и валя с ног. Так и застыл он на пороге, тоскливо провожая взглядом удаляющуюся Настю, и подвывая жалобно.

Рулевая рубка уже испытала на себе силу только что начинающегося шторма: ни одного целого стекла, пол скользкий и хрустящий, как треснутый лед. А по нему с грохотом катаются два чурбака, оставленные вместо рулевого.

Превозмогая боль и страх, Настя схватилась за

крутящийся штурвал. Руль не поддавался. Корабль трусливо подставлял под удар свой борт. Закусив губы, Настя собрала все свои силы и резко налегла на колесо. Шхуна дернулась и почти завалилась на бок, но курс изменила. От радости Настя даже не чувствовала боли в суставах, которые вспухли и покраснели. Но радость от победы быстро погасла в Настиных глазах – они стали свинцовыми от ужаса и от огромной волны, которая отразилась в её глубоких, как океан, глазах. Волна уверенно шла навстречу, лоб в лоб, оскаливая пенистую пасть. Волна шла, чтобы убить.

Хотелось отвернуться, закрыть глаза или вообще сбежать в трюм и схорониться там, среди разбросанного, побитого груза, забиться подальше в какой-нибудь темный угол и потерять сознание за секунду до встречи с ужасной волной.

Тело у Насти окаменело: руки приросли к штурвалу, ноги – к полу, а глаза, не отрываясь, смотрели как волна поднималась все выше и выше, тянулась к небу белопенным гребнем, похваляясь своей силой. Но, видимо, перестаралась, устрашая. В какой-то момент, Настя, запуганная до смерти, простилась с жизнью и сразу же перестала бояться смерти. Она глубоко вздохнула и приказала себе чужим, властным голосом держать в руках штурвал, и баста! А Пятнице – беспрекословно выполнить команду «ко мне». Строгого голоса

послушались оба: Настя перестала преждевременно умирать от смерти, а Пятница, громко скуля и хромя, засеменил по палубе, прижимаясь к борту. От ветра у него поднималась шерсть и разлетались уши в стороны. Он боялся, но бежал на зов, доверяя строгой хозяйке без всяких сомнений.

Волна приближалась. Она летела на маленькую «Анастасию» с ненавистью заклятого врага, намереваясь разбить шхуну одним ударом. Хрупкого вида капитан приготовился к борьбе. Настя больше не была перепуганным серым зайчишкой, готовым в самый ответственный момент бросить свой пост и забиться в нору. Она возмужала и окрепла за секунду. Теперь её не сковывал ужас – кровь будоражил адреналин отважного рыцаря перед смертельным поединком. Вызов брошен, бой будет жестоким, потому что на кон поставлена жизнь. Но именно эта ставка заставляла бешено колотиться сердце, крепко до белых пальцев сжимать штурвал, и зло прищурился глаза, смотреть смерти прямо в лицо. Кто кого?

И вот поединок начался. Корабль носом встречает волну. Взмывает на ней стремительно вверх, так что Настя на миг забыла об опасности – она чувствует себя птицей, улетающей в небо. Но гребень волны прервал полет. Сокрушительный удар. За ним треск дерева и шум воды. И дикий, нечеловеческий Настин крик. Это вырывался

наружу страх, животный, бессознательный, неуправляемый. Настя видит, как разлетается в щепки камбуз, вставший на пути озверевшей волны. И смелая девушка тут же забывает о том, что она отважный капитан, бросивший вызов океанской волне, и ещё минуту назад щурила глаза и цедила сквозь зубы угрожающе: «Ну, ну, иди. Сразимся. Посмотрим кто кого».

Настя бросает штурвал, падает на пол, хватается Пятницу за голову и даже не успевает набрать воздуха в легкие.

Рубку захлестнуло. Тяжелая соленая вода нескончаемым потоком ломилась внутрь. Вначале Настя оглохла от шума разрушений, потом вода заткнула уши так плотно, что в наступившей неестественной тишине было слышно только тихое шипение и смешное бульканье. Залитые в рубке, Настя и Пятница задыхались, а волна не кончалась. Под её напором трещали и ломались стены и уносились вместе с водой в открытый бушующий океан.

Из Настиных рук начал вырываться Пятница, ему нечем дышать, он хотел на воздух. Но воздуха нет, вокруг одна вода. Корабль, зарываясь носом в волну, с трудом продирался сквозь упругую стену бушующего океана.

И вот уже у Насти начинают вылезать глаза из орбит – в легких закончился воздух, она еле

сдерживает произвольный судорожный вздох и из последних сил зажимает собаке морду. В Пятнице просыпается ненависть диких предков, он уже готов разорвать свою любимую Настю, но та крепко сжимает его пасть нежными, заботливыми руками.

Исчерпав всю силу, волна начала уходить, оставляя после себя следы страшных разрушений.

Наконец воздух ворвался в легкие полузадохнувшихся собаки и человека. Они пили его так же долго и жадно, как совсем недавно пили дождевую воду. Надышавшись вдоволь, Настя окинула быстрым испуганным взглядом то, что осталось от корабля. Осталось главное – корпус, палуба и полторы мачты. По палубе словно прошли огромной щеткой, она была чистая, ровная, без прежних возвышений в виде камбуза и рубок.

Но в этом поединке победила слабая, неумелая Анастасия. А значит шанс выжить в неравном бою все-таки есть. И снова над штормовым океаном звучит дикий первобытный крик, но сейчас в нем слышится торжество слабого человека над разбушевавшейся стихией. А вслед за ним емкая фраза из далёкого будущего:

– Мы сделали это!!!

И жест, как из кино, из того же будущего.

Они делали «это» еще много раз, всю ночь,

пока не утихал шторм. А в перерывах между поединком с огромными водяными утесами Настя бегала на палубу, оставив вместо себя деревянного рулевого, и рубила снасти. На палубе было не страшно. Там было очень страшно: треск ломающегося дерева, оглушительный рев океана и ураганный ветер, грозивший перевернуть шхуну. Вода, скопившаяся на палубе, не успевала уходить через шпигаты обратно в море. Настя стояла по щиколотку в воде и морская соль разъедала свежие раны на ногах, добавляя страданий, и без того, еле живой от усталости и страха барышне из чопорного Петербурга.

Избитый волнами корабль из последних сил боролся с разгулом грозной стихии. Он все чаще зачерпывал воду бортом или вообще погружал корму, задирая нос кверху. И тогда вода лавиной неслась по истерзанной шхуне, смывая в море то небольшое, что ещё оставалось на блестящей палубе.

Чудом не отрубив себе ноги, Настя избавилась от парусов, которые помогали океану топить «Анастасию». Стало чуть спокойнее, шхуну уже не так сильно мотало из стороны в сторону, не валило на бок налетевшим шквалом. Оставалась одна беда – огромные волны, которые корабль встречал разбитым носом.

Под утро Настя измучилась до такой степени, что ей надоело «ловить» волну и бороться за жизнь.

Она крепко выругалась матросским словом и доложила Пятнице о своей капитуляции:

– Я сдаюсь... Все, сил больше нет... Пошли в трюм...

И с безразличным видом потащила свое уставшее тело к предпоследнему приюту. Она забилась в угол, подальше от разбитых бутылок рома, обняла Пятницу за шею и сразу же отдалась в руки Морфея. Сон был настолько крепкий, что не слышала она завывания ветра, грохота водопада, не чувствовала жестоких сотрясений судна. Она спала глубоким сном смертельно уставшего человека, и ей было уже безразлично, проснется она через положенное время или сон продлится вечность.

Она очнулась от резко наступившей тишины, которая после почти суточного рева и грохота, казалась неестественной. «Анастасия» вышла из сражения с океаном изуродованным одномачтовым судном без парусов, а сама Настя – закаленным в штормах «морским волком».

Поднявшись на палубу, Настя не узнала свою шхуну, на которой путешествовала больше месяца и уже успела сродниться с ней, а за прошедшую штормовую ночь даже полюбить, ведь большая «Анастасия» слушалась маленькую Настю беспрекословно, поворачивая туда, куда направляли слабые руки девушки-капитана. Насте было тяжело смотреть на потрепанный корабль, но основной

удар ждал её в камбузе, вернее в том месте, где он находился раньше, до встречи с волной. Унесенную в океан посуду, несомненно, было жаль. И чувство это росло по мере того, как Настя подсчитывала пропавшую провизию.

– Так, я не поняла, а где бочонки с водой?! – растерянно и вместе с тем очень агрессивно спросила Настя у воздуха, потому как других ответчиков по близости не оказалось. Даже главный виновник – шторм и тот самоликвидировался, испугавшись ответственности за воровство Настиной воды.

Воздух, разумеется, отмолчался. Кругом лепота и синее безмолвие. Юный мир, заново рожденный после разрушительной бури, был прекрасен и свеж: синие краски, отмытые и яркие; желтое солнце стало ласковым и больше не кусалось, а легкий ветерок, насыщенный ионами шторма, приятно охлаждал кожу. И посреди этой красоты такая подлость с питьевой водой!

Настя не знала как пережить потерю. Она уже испытала на себе все прелести обезвоживания и начинать все с начала категорически не хотела. И зачем тогда, спрашивается, вся эта победная возня со штормом?! Не проще ли под покровом ночи, под шум ветра и под баюканье гигантских волн, слегка обезумев от мощи урагана, не сопротивляясь пойти

ко дну?

Но, видимо, поединок со штормом был выигран не зря, потому что разгневанная Настя вскоре нашла один бочонок с дождевой водой. Он запутался в обрубленных канатах как в сетях и только это задержало его на корабле. Второй анкерок Настя так и не нашла.

На этом подлости ночного шторма не закончились: на шхуне не осталось ни одной спасательной шлюпки. Хотя Настя не возлагала на них особой надежды, но этот факт почему-то сильно её расстроил.

– Теперь у меня осталась только эта покореженная шхуна без парусов. И на ней я вряд ли смогу причалить к берегу, – пыталась Настя огорчить неунывающего Пятницу. – А если «Анастасия» начнет протекать – ты будешь качать помпу?! Или, может, ты умеешь заделывать щели в обшивке?! – донимала Настя присмирившего пса. – Я тебя сразу предупреждаю – на меня не надейся. Я пас. Вот на шлюпки мы ещё могли понадеяться. Но их уволокло море! И бочонок с водой тоже утащило!!! Чтоб ему ни дна, ни крыши!

Плохое настроение все же передалось Пятнице, он начал нервно пританцовывать перед грозной Настей, как самый главный обвиняемый.

– Ну, ладно, ладно, не обижайся, нервы сдают, устала я от этого плавания... А оно все не

кончается, черт бы его подрал! – зло ругалась барышня как настоящий морской волк.

Настя потрепала Пятницу по голове и отправилась распутывать сети-канаты, в которые попался драгоценный улов.

И снова жизнь на шхуне потекла томительно и монотонно. Любое проявление этой жизни совершалось с оглядкой на последний бочонок пресной воды. У Насти были все основания предполагать, что океан дал лишь отсрочку и скоро опять явится за ней в виде иссушающей мучительницы.

В трюме, где валялись разбитые штормом бутылки с ромом и коньяком невозможно было дышать. Настя держала люки постоянно открытыми, чтобы поскорее избавиться от головокружительных ароматов, способных не столько опьянить Настю, сколько взорвать «Анастасию».

Теперь в целях экономии воды Настя разбавляла её ромом, прошедшим предварительную обработку – сообразительная девушка перед соединением рома с водой понижала градус рома. На палубе, разлитый по кастрюлям, крепкий спиртной напиток выдыхался до степени «ромового пива», так называла виноделка новую продукцию. Потом в него чуть-чуть воды из последнего бочонка

и можно пить как квас, почти не хмелея. Настя очень гордилась своим изобретением. Вот только разборчивый Пятница отказывался пить слабоалкогольный напиток. Уговоры не действовали и Настя вынуждена была одна попивать свое изобретение, пьянея к вечеру до состояния полного благодушия и безразличия. Зато вода из заветного бочонка почти не убывала, чему Настя была несказанно рада.

Именно из-за этой «экономии» ближе к вечеру на Настю накатывала легкая лирическая грусть. Отдыхая где-нибудь на палубе, она задумчиво смотрела в высокое синее небо, сливающееся с бескрайним синим морем, и чувствовала себя в полной гармонии среди этой чистой и спокойной синевы. В такие минуты ей не хотелось на землю, к людям, к шуму, к суете, к мирским заботам. Она ничего не оставила там, в сыром Петербурге. Ей не о ком скучать. Да и её никто не ждал в городе туманов и белых ночей. Мощное дыхание океана зачаровывало океанскую пленницу особенно в розовые, предзакатные сумерки. Все остальное время Настя отчаянно хотела в сырой Петербург, к суете, людям, к шуму, подальше от безумных штормов, морских призраков, голубого безмолвия и «сухой» смерти.

А совсем рядом с «Анастасией», на главных

морских путях накалялись страсти, кипела и остывала жизнь. Там шалили морские разбойнички. Пираты 19 века хотя и называли себя джентльменами удачи, такими, по сути, не являлись, потому что промышляли исключительно грабежами на морских дорогах и без сожаления посылали на дно команду и пассажиров разоренных кораблей.

Капитан «Черной акулы» был именно таким рыцарем без страха и упрека. А ещё без жалости и совести. Но удача почему-то любила его и была его верной подругой уже 6 бандитских лет. Угольно-черный бриг, как голодная акула, рыскал по морским дорогам Атлантики, нападая на все, что движется. Быстроходность и маневренность судна полностью соответствовали его названию, а лихая команда во главе с капитаном была гораздо опаснее кровожадной рыбы, которую они частенько подкармливали человеческим мясом.

Молодой капитан, ожесточенный в неправедных сражениях, отдавал последние команды перед боем:

– Всем по стакану рома. Лечь в дрейф. Приготовиться к абордажной схватке!

Подойдя к торговому судну с наветренной стороны, «Черная акула» приветливо улыбнулась и показала зубы.

– Купец по морю плывет, бархат, золото

везет... – тихонько напевал капитан головорезов. – Только ничего он не довезет. И никуда уже не доплывет, – закончил он песенку своими словами.

«Черная акула» ткнулась боком в борт приговоренного барка. Засверкали на солнце приготовленные ножи, сабли, кровожадные улыбки.

– Вперед! На абордаж! – командует главарь, и длинные пиратские багры цепляются за борт очередной жертвы ненасытной «Акулы». Пираты с гиканьем и свистом, вооруженные ручными гранатами, холодным и огнестрельным оружием, заполняют палубу мирного судна. У женщин начинается истерика – они наслышаны о зверствах пиратов с «Черной акулы». Мужчины, бледные и молчаливые приготовились к смертельной схватке с превосходящим по силе и жестокости противником.

Борьба длилась недолго. Скоро палуба покрылась изрубленными, простреленными телами, среди которых уверенной походкой победителей рыскали пьяные от крови и от рома «джентльмены удачи».

И только женщины, не принимавшие участия в сражении, были еще живы. Их душераздирающие крики разносились по всему кораблю, сильно раздражая взвинченные нервы лихого капитана. Сбившиеся в кучу женщины пронзительно визжали от ужаса. На их лицах не осталось ничего человеческого. Они беспомощны, они хотят жить,

но знают, что сейчас умрут. Их невыносимый визг озлоблял капитана все больше и больше:

– Всех женщин за борт! Немедленно!

– Но капитан, команда желает немного развлечься.

– Тогда заткните им глотки. На «Акулу» не тащите, развлекайтесь тут, да по-быстрому. А сейчас весь груз – на корабль. И ещё проверьте, нет ли русских среди пленных. Если найдете – ко мне в каюту. Остальных на дно.

Команда разбежалась выполнять приказания молодого капитана, довольная неплохим уловом и предстоящим развлечением.

– А это что за разбитое корыто маячит на горизонте? Без парусов, без мачты... – бормотал смуглый красавец-пират, разглядывая в подзорную трубу потрепанную штормом «Анастасию». – Кто там такой смелый? Пора уже познакомиться с ним поближе...

Мягкие лучи заходящего солнца нежно ласкали Настину кожу, привыкшую к загару за два с лишним месяца одиночного скитания по морской пустыне. Лицо и руки белокурой Анастасии больше не покрывались пузырями и красными пятнами от жгучего солнца. Но не только кожа изменила свой цвет – сама Анастасия изменилась настолько, что перестала узнавать свою фотокопию в золоченой

рамке на Володином столе. Общее сходство с прежней Настей осталось: тонкий прямой нос, синие глаза, длинные светлые волосы, мягко очерченный рот с капризной, немного полноватой нижней губой. Но трудности затянувшейся морской прогулки слепили из нежной, слабой и наивной девушки совершенно противоположный образ. В ней не осталось ничего от красивой мечты романтика Владимира. Исчез восторженный блеск в голубых глазах, выгорели на солнце распущенные волосы, задубела и потемнела кожа, совсем как у старого морского волка. И даже капризная нижняя губа поджалась и больше не обижалась по-детски. Губы научились крепко сжиматься и выплевывать крепкие словечки в ответ на многочисленные угрозы судьбы. Проснувшись с каменным выражением лица, Настя не расставалась с ним до самого вечера. И только под воздействием «ромового кваса» она немного размякала, и каменная маска чуть сползала с ее загрубевшего лица. Ежевечернее благодушие носило не совсем естественный характер, но зато позволяло звенящим нервам хоть на время расслабиться; глазам позволяло воспринимать окружающий мир в приятных розово-голубых тонах, и в уставшем заходящем солнце видеть не своего вечного врага, а просто светящийся золотой шар, который умеет так красиво раскрасить вечернее небо, что замученная в

тяжелой океанской неволе душа начинала глупо и совершенно безосновательно радоваться неизвестно чему.

Еще один день океанского плена подходил к концу. Настя провожала его спокойно, без надрыва: «ромовый квас», розовый закат и уютное ложе из мягких подушек, разбросанных прямо на палубе, делали свое доброе дело. Настя потягивала самодельный напиток и мечтала о чем-то хорошем, но очень абстрактном.

Возле камбуза гремел своей миской прожорливый Пятница. У него в отличие от Насти, которая в целях экономии воды весь день ходила под легким градусом и почти ничего не ела, аппетит был просто волчий.

– Слушай, Пятница, ты стал похож на отожавшегося бегемота, – лениво укорила Настя чавкающего друга.

А Пятница слушает, да ест. Эта чудесная прогулка по морю (не считая, конечно, нескольких засушливых дней) казалась ему раем собачьим: вот сейчас он накушается от пуза, потом напьется вдоволь водички, чистой, без примеси выдохшегося рома, и завалится на бок, рядом со своей замечательной хозяйкой. Не жизнь, а просто рай!

Мысль о воде из последнего бочонка нагоняет на Настю непрошеную тоску. Она вздыхает глубоко и делает несколько больших глотков из вечерней

порции «кваса». И скоро над Атлантикой летит ее задорная песня:

«А нам все равно...

Будем мы сильнее и отважней льва...»

Каждый вечер Женькина память выдавала пару-тройку слов из этой жизнеутверждающей песенки и теперь Настя знала ее полностью, пела громко, от души, чуть охрипшим голосом подвыпившего юнга с торгового судна.

А навстречу ничего не боящейся девушке уже плыла кровожадная «Черная акула». Высокая, изящная, распустив паруса, она стремительно неслась над океаном белым облаком – как будто мягким и пушистым, и только «Веселый Роджер» на грот-мачте предупреждал о смертельной опасности красивого облака.

Настя лежала на палубе и, не видя приближающихся гостей, уже по второму разу выдавала бравурное: «А нам все равно...»

На пиратском бриге царил предпраздничное настроение, судя по названию потрепанной шхуны им предстоит теплая встреча с соотечественниками. В планы встречи, разумеется, не входили ностальгические посиделки с крокодиловыми слезами по далекой Родине. Просто своих грабить было как-то веселее, сподручнее, что ли. Частенько после таких набегов в кубрике появлялись новые

члены команды, из своих, из русских. И спустя уже каких-нибудь полчаса пираты и пленные матросы, напившись хозяйского рома, начинали брататься между собой. И в ответ на громогласные заверения в вечной дружбе, уважении и взаимопомощи из мутных глаз катилась скупая соленая слеза. Растроганные пираты – старые и новые громко икали и сморкались друг у друга на плече.

По мере того, как расстояние между кораблями сокращалось, становился очевидным тот факт, что матросами поживиться в этот раз не получится – шхуна была подозрительно безлюдна.

– Похоже, команда оставила судно. Никакого движения. И шлюпок спасательных не видно. Что думаешь? – спросил капитан Алекс Горн свою «правую руку» – боцмана Гришку Корытина, который даже не смотря на повышение по службе без обид отзывался на свое старое матросское прозвище – «Гришка-Корыто».

– А может это ловушка? Матросики с ружьями попрятались в трюме и сидят, ждут, когда мы к ним на корабль в гости заявимся с проверочкой. А там-то они нас врасплох и положат всех. А?

Гришка хоть и плавал с пиратами уже более 4 лет, но к каждой встрече с новым кораблем подходил с опаской, разбойничий дух плохо приживался в его корявом, крестьянском теле. Но

именно его трусовато-осторожное «как бы чего не вышло» часто спасало команду от неприятных сюрпризов, потому как остальные пираты во главе со своим удачливым главарем, опьянев от легких побед, смотрели на жизнь смело и беззаботно.

Мысленно согласившись с версией о хитроумной ловушке, 28-летний капитан Горн стал еще внимательней вглядываться в необитаемый корабль.

Бесхозный вид палубы, отсутствие рулевого, сломанная грот-мачта, изодранные клочья парусов убедили капитана в том, что на судне людей нет.

– Над шхуной явно поработал шторм. Какая там засада! Наши славные ребята с «Анастасии» гребут сейчас веслами в направлении земли. Так что, друг Корятин, там нас никто не ждет, кроме забытого в спешке малоценного груза да с десятков голодных, неприветливых крыс. Но я надеюсь, мы не будем бряцать оружием, запугивая безобидных грызунов?

Тон у пиратского предводителя был вполне миролюбивый, и кровавые пятна не проступали на рукавах его шелковой белоснежной рубашки, хотя свои руки Алекс Горн регулярно поласкал в чужой крови. Причем, делал это как правило с таким же спокойным выражением лица: ни жалости, ни злости. Только взгляд становился еще жестче, а холодные, острые как сталь глаза брали на себя

роль палача, заставляя жертву болезненно извиваться от колющих, проникающих взглядов.

Безжалостных глаз Алекса Горна одинаково боялись свои и чужие. Случались, правда, у капитана редкие приступы человеколюбия, и тогда один или два счастлиwickа с захваченного корабля, заглянув в глаза смерти, получали от грозного капитана царский подарок. Им дарили жизнь. Просто так, ни за что, ни за красивые глаза и не за заслуги перед Отечеством. Так захотел уставший от крови капитан.

Оставшиеся в живых потом долго не могли забыть его страшного, гипнотизирующего взгляда, как у хищного зверя, когда тот смотрит в глаза человеку, уже готовый прыгнуть и впиться клыками в тело.

О капитане говорили много, взхлеб. Ругали его, проклинали, ненавидели, боялись. Но все равно – говорили, говорили, говорили, делая из обыкновенного разбойника мифического антигероя, наделенного удивительной силой серых глаз. Алекс Горн расценивал рождение таких легенд как ответный подарок от пленных, которым он подарил жизнь.

На самом деле, сила, поддерживающая страх в мореплавателях и дисциплину в пиратах, заключалась не только и не столько в его

удивительных глазах. Обыкновенная грубая сила крепкого тела была причиной того, что 28-летний Алексей Тимофеев, сын разорившегося помещика стал грозой морских дорог. Высокий ростом, широкий в плечах, жилистый и ловкий он твердо стоял на крепких ногах. Уверенность в своей силе сквозила в каждом движении мускулистого тела. И разрубая саблей пленного матроса и обнимая портовую девку, он чувствовал в себе мощь первобытного зверя, непокорного и дикого, сила которого рвется наружу через свинцово-серые глаза, внушая страх всем, кому пришлось познакомиться с ним поближе.

На этот раз близкое знакомство грозило Насте, беззаботно поющей песню о том, что ей, якобы, все равно.

«Черная акула» подкралась достаточно близко, и до ушей пиратов долетели странные слова:

– Храбрым станет тот, кто три раза в год
Ту волшебную косит трень-траву...

Разбойники замерли в изумлении – капитан уверял, что команда покинула беспарусное судно, и остаться на нем могли только молчаливые угрюмые крысы. Но кто же тогда поет вполне человеческим, хотя и немного заунывным голосом обиженного

привидения?

– Кто же это голосит? Говорящая крыса или сумасшедший юнга, которого бросили на корабле?... Видимо он слишком много пел, – догадался, не лишенный музыкального слуха, красивый злодей.

Пираты толпились у борта, готовые к любым неожиданностям, но оружием воинственно не потрясали, потому что нападать было пока не на кого. Песнь лилась спокойно, голос с чуть заметной хрипотцой не замышлял, как видно, ни чего плохого, ему же было всё равно. Но и не дрожал он почему-то от страха при виде черно-белого пиратского флага...

Настя лежала на спине и смотрела в небо. Далекие горизонты с призрачными белыми облаками ее больше не волновали, она устала от разочарований в белых облаках-кораблях. Но на этот раз белое облако само плыло к ней. «Акула» уже терлась черным боком о бедную, потрепанную «Анастасию», скалила пасть, примериваясь, куда бы лучше воткнуть свои острые зубы. Настин кораблик и так казался полуживой овечкой, которую голодный волк терзал всю ночь, а под утро отпустил с переломанными ребрами и выдранными ключьями шерсти. И вот пришло время – теперь акула готовится к нападению на бедную овечку.

На пиратском бриге хлопнули паруса. Настя

оборвала песню на взлете. Ойкнула, вскочила на ноги... И остолбенела от приятной неожиданности. Она-то готовилась к вторичной встрече с «Летучим Голландцем» или с каким другим морским чудовищем. Но увидеть людей, живых настоящих и так близко она уж и не надеялась.

– Миленькие! Родные! Наконец-то! Как я вас ждала!!! – кричала Настя, задыхаясь от счастья и гостеприимства.

Радости ее не было границ, когда пираты перешагнули порог ее корабля. Счастье и благодарность к людям были так же довольно безграничны. Плохо соображая от нахлынувших эмоций, Настя бросается на грудь самому молодому и симпатичному из грубой, разношерстной толпы. Смятение чувств не помешало ей, однако, выбрать наиболее приятный объект для благодарности, вместо того чтобы без разбора ткнуть носом в первого попавшегося, не очень опрятного, заросшего колючей бородой мужчину преклонного возраста.

Пираты стояли ошеломленные и смущенные таким горячим приемом. Никто и никогда не радовался их приходу со слезами на глазах. Их не называли «миленькими» и «родными» даже под пытками. И уж тем более их, разнесчастных, никто и никогда не ждал. Не встречались им еще такие сумасшедшие храбрецы.

Шелковая рубашка кровавого пирата промокла от Настиных слез. Но это были не те слезы, которые он привык видеть на захваченных кораблях. Не те слезы, которые вызывали в нем чувства отвращения и злости к ревушим женщинам. Настины слезы застали его врасплох. Они появились неожиданно, со словами благодарности, пока не понятно за что, но все равно чертовски приятно.

Жесткий и черствый капитан Горн раскисал от горячих слез как сухарь, брошенный в суп: быстро, неотвратно и очень некрасиво. Он чувствовал себя полным дураком, не владеющим ситуацией. Настя, прижимаясь к его груди, продолжала орошать ее слезами и попутно осыпать всех собравшихся словами невыразимой благодарности. А кровожадный морской пират стоял по стойке смирно, не зная что делать с руками: то ли обнять всхлипывающую барышню, то ли наоборот, оттолкнуть ее; то ли отрубить себе бестолковые руки, болтающиеся как плети, и должно быть, вызывающие смех у несентиментальных пиратов.

Но рядовые разбойнички раскисли ничуть не меньше своего командира. Где-то очень глубоко в душе они тоже плакали слезами ответной благодарности за доброе слово, которое даже «кошке приятно», не говоря уже о них –

нелюбимых и проклинаемых. Некоторые из разбойничков растрогались до такой степени, что начали стыдливо прятать за спину обнаженную сталь холодного оружия, а пистолеты, не менее стыдливо засовывать за широкие пояса.

Наивная Настя, не умолкая, уже по десятому разу лопочет трогательное признание, общий смысл которого сводился к простому и емкому – спасибо, что вы есть!

Степень душевной трансформации морских головорезов достигла предела. Еще совсем немного и к самым слабым из них, возможно, вернулся бы человеческий облик, в результате чего они отказались бы впредь обижать людей, проливая их кровь и отбирая у них различные материальные ценности. Да и сам капитан Горн чувствовал, что минута размягчения уже достаточно затянулась, пора пришла открыть девушке глаза и, как это не печально, развеять миф о бескорыстии и счастье. Достаточно легко справившись с незнакомым приступом жалости, капитан Горн отрывает счастливую Настю от своей груди:

– Пять человек – в трюм. Пять – по каютам, на разведку, – приказывает капитан таким тоном, от которого вздрагивает Настя, и приходят в себя разомлевшие убийцы и грабители с морских дорог.

Быстренько утерев глубокосидящие в душе слезы и сопли, сидящие примерно там же, часть

пиратов отправилась по заданию капитана на разведку. Оставшиеся уже смотрели на спасенную девушку без прежнего сострадания.

«Если это ловушка – голубоглазая плакса получит первую пулю» – решил Алексей, так до конца и не поверив Настиным слезам. Из ее сбивчивого лепета он мало что понял: она говорила обрывочными фразами, ежесекундно перескакивая с одного на другое.

– А ну, тихо! – приказал он возбужденной Анастасии. – Я буду задавать вопросы – ты отвечать. Коротко и внятно.

Настя удивленно замолчала. Строгий голос капитана привел ее ненадолго в чувство, но в то же время преобильно царапнул по расстроенным нервам. Она поджала губы и приготовилась слушать с чрезмерным вниманием.

– Где команда? – этот вопрос интересовал Горна больше всего.

Но и Настю он интересовал ничуть не меньше, поэтому она опять пришла в легкое семибальное волнение и не смогла ответить так, как было приказано – коротко и внятно.

– О! Как бы я хотела знать, где эта команда! Я здесь уже больше двух месяцев, но ее так и не встретила!!! Куда они подевались...

«Опять информации ноль» – обозлился капитан, не привыкший повторять вопросы дважды.

В этом месте ему полагалось бы уже переходить к грубостям, но вместо этого он притянул Настю к себе, неприлично близко и достаточно бесцеремонно. Она изумленно заглянула в его холодные серые глаза, еще ничего не зная об их страшной силе, потому, что сейчас в них не мерцал смертельный отблеск стали. Мерцала только сила и власть. Настя смотрела ему в глаза и дышала в лицо легким перегаром.

– А чем это от вас так разит, милая барышня? – капитан меняет гнев на милость оттого, что милая барышня так не похожа на всех предыдущих барышень, и удивляет его на каждом шагу.

Он еще находился под впечатлением от ее залихватской песни, в которой говорится о том, как легко стать храбрым – достаточно покосить какой-то травки и ты храбрее льва. Очевидно такой травы на океанский просторах не нашлось, и тогда женственная на вид, молодая особа пошла по традиционному пути суровых мужчин. «Не знаю как насчет храбрости, но пикантности это ей здорово добавляет», – думал мужчина из 19 века, еще ничего не знавший о современном женском алкоголизме, и смотревший на пьяную барышню как на забавную диковинку.

Пираты догадались, на что намекает капитан и дружно загоготали, обидно и грубо, отчего в Настиных глазах они все сильно упали и больше уж

не вставали. Да и вся встреча в целом перестала казаться ей теплой и дружеской. Хамский тон и такие же манеры капитана начинали раздражать бунтарский Женькин дух, упрятанный в сублильное тело барышни из благородного времени: «Мы грубиянов не боимся – мы сами такие», – распалаясь пока только мысленно вежливая барышня. И недовольно вырвалась из крепких лап морского волка, хотя, точнее, это он позволил ей вырваться из его крепких лап, которые при необходимости могли превращаться в страшные тиски на теле конвульсивно дергающейся жертвы.

Но Настя все еще находилась в счастливом неведении относительно рода деятельности людей, пришедших ей на помощь. А потому, не сдерживая обиды и ничего не боясь, она вместо оправдания за свое не очень достойное поведение, перешла в наступление:

– А вы думаете можно пережить на трезвую голову ночь с морскими призраками?! Вас-то вон сколько человек, а я одна! Два месяца одна! И днем и ночью. И как только стемнеет – они выползают из своих нор, и шуршат, и стонут, и скребутся под дверью... У меня волосы дыбом, как у ежа! Я чуть с ума не сошла в первую ночь, пока не догадалась, чего они боятся...

– Ну, и чего? – успел вставить вполне безобидный вопрос человек, не боящийся ни бога,

ни черта, ни тем более Настиных морских призраков.

Настя услышала праздность и даже легкую издевку в голосе молодого, но как она уже успела заметить, довольно испорченного человека.

– Рома они боятся, черт возьми!!! Рома! – выйдя из себя, заорала Настя.

Ответ пришелся по вкусу любителям этого волшебного напитка. Мужчины весело загомонили, а капитан, усмехнувшись, подумал, что из этой злочки может получиться неплохой пират.

– Но на небе светит солнце. И время морских выползней, как мы видим, еще не наступило. Однако ж, судя по запаху, да и так, по внешнему виду, к встрече ты готовишься заранее. Похоже с самого утра... – продолжал царапать главный вивисектор с «Черной акулы», изучая Настину реакцию на боль, делая надрезы с чисто познавательной целью, ему очень хотелось узнать из чего сделана пьяная девушка, и что там у нее внутри.

Но Настя не в том настроении, чтобы понять исследовательский интерес хирурга по раненым душам. Она все-таки взорвалась:

– Иди ты к черту! – резко переходя на «ты» и на откровенную грубость выпалила Анастасия, догадываясь что над ней издеваются, но, еще не догадываясь – почему.

Пираты затаили дыхание – капитана Алекса Горна послали к черту! Какая-то ненормальная девица торопиться отдать богу душу через мучительную смерть. «Ну, что ж, – подумали пираты, – это ее желание». И с интересом стали ждать казни.

Но, к немалому удивлению команды живодеров, казни не последовало. Все, за исключением одного Гришки-Корыта, расценили это как проявление слабости капитана Горна. В задних рядах прошелся даже еле слышный шепот: «А капитан наш, похоже того... втюрился». К счастью для сплетника слова эти не дошли до ушей скорого на расправу капитана Горна.

Версия болтливой пирата была очень далека от истины. Когда-то еще, очень и очень давно, на заре своей юности наивный отрок Алеша Тимофеев имел неосторожность «втюриться» в одну хорошенькую и вполне безобидную на первый взгляд девушку. Но последствия этого короткого романа круто изменили жизнь Алеши. Первое время, пока боль от предательства была еще свежа, он ненавидел только свою любимую предательницу. Но постепенно ненависть и глухое недоверие распространилось на всю прекрасную, но временами очень опасную половину человечества. Дикие условия обитания, в которых закалялся Алексей Тимофеев, постоянно поддерживали

незатухающее пламя ненависти к роковой любви, потому, что ее и только ее винил юный Алеша Тимофеев во всех своих скитаниях и бедах. До тех пор пока беды не превратились в победы. И только тогда погас ненавистный огонь к предательнице, а заодно и ко всем потенциальным предательницам с чистыми и честными глазами. В том месте, где бушевал пожар из сильных чувств, теперь валялись обуглившиеся головешки еле тлеющих недоверия, безразличия и пренебрежения. Отныне капитан зажил бездушно и легко. Все плотские проблемы решались с портовыми проститутками, а душевных проблем у сурового Алекса Горна больше не стало.

Любознательный вивисектор остался доволен реакцией Насти: она не завизжала истерично и не стала царапаться, изображая из себя взбесившуюся кошку, как делали все предыдущие испытуемые, которых он в целях эксперимента не запугивал сразу же, одним только взглядом.

Реакция Насти спасла ей жизнь. И только ради поддержания дисциплины на судне капитан, довольный результатами исследования, изобразил на лице гнев и ярость, сузил серые глаза, отчего взгляд его стал острый, как клинок, и сурово предупредил:

– У нас на судне нет разделений на мужчин и женщин. И перед тем как в следующий раз ты захочешь кого-то послать в черту – подумай о

последствиях. Они могут быть болезненными, для тебя.

Пиратов удовлетворил ответ капитана – с ним все в порядке. Зато Настя теряло прекрасное чувство благодарности с ужасающей быстротой. Не прошло и пяти минут как она рыдала на теплой и дружественной груди красавца капитана, и вот уже появилось навязчивое желание чем-нибудь острым эту грудь проткнуть. И еще несколько раз там провернуть, просто так, для облегчения злости.

«Но, в конце концов, черт с ним, с грубияном этим, буду паинькой. Как ни как – они меня спасли. Ну, что с ними поделаешь, если озверели люди без любви, без ласки. Без женщин, наконец. Месяцами болтаются в море как...»

– Ну, так чем объясняется твоё, а нет, прошу прощения, ваше... мы ведь договорились о взаимной вежливости. Так вот, продолжу, чем же все-таки объясняется ваше столь раннее опьянение? – прервал течение грубых мыслей голос капитана, решившего скуки ради поиграть в джентльмена.

Игра была явная и опять смахивала на элементарное издевательство, но дружеское предупреждение подействовало на физически слабую девушку, и она сделала вид, что приняла явную халтуру за искренний тон, и сильно ломая себя, ответила безразличным голосом безразличной куклы:

– Воды пресной мало. Пить охота. Умирать – наоборот, не охота. Разбавляю воду ромом. Тяну время, – довольно монотонно объясняла Настя причину своего хронического пьянства.

– Ты слыхал, воду ромом разбавляет! Во дает!
– опять оживились пираты.

Исчерпывающий, а главное спокойный ответ вполне удовлетворил Алексея, которому была интересна не столько причина Настиного пьянства, сколько сам разговор с ней самой.

Вернулись пираты, уходившие на разведку.

– Все чисто, – коротко доложил один из них, и жадно отхлебнул из бутылки неразбавленного рома.

У каждого разведчика в руке было по недопитой бутылке Настиного средства от морских призраков.

– В трюме несколько ящиков рома и спирта. Битого много... А так – больше ничего ценного, – пожаловался другой, уже порядком опьяневший член разведгруппы.

Непонятные доклады еще больше удивили Настю. Первое приятное впечатление от знакомства таяло как жир на раскаленной сковороде, превращаясь в нечто совершенно иное: шипящее, кипящее, агрессивное. Настя успокаивала себя лишь наскоро придуманным планом отмщения: по прибытию в Петербург она непременно пожалуется своему всемогущему свекру на поведение морского

дикаря, хама и самодура, которому не место на чистых и голубых просторах.

Настя больше не всхлипывала на груди у грубияна и дикаря, она вообще сделала шаг назад, замечая только сейчас неприятные перемены в своей жизни: она больше не хозяйка своей маленькой, бедной «Анастасии». Этот наглый и властный капитан с чужого корабля ведет себя в гостях как дома. «Как же он тогда ведет себя дома?!» – ужаснулась Настя.

– Так что же мне с тобой делать? – еще больше разочаровывая Настю, спросил предводитель головорезов.

Не прекращая удивляться, разочаровываться и просто злиться, еще совсем недавно счастливо спасенная делает невероятно круглые глаза и кричит голосом контуженого солдата:

– Как что?! Как что?! Как будто вы не знаете – что! Взять к себе на судно и переправить на землю. Или пересадить на попутный корабль...

Настин крик потонул в хохоте луженых глоток. Пираты хватали себя за бока, били по ляжкам, катались по палубе, всхлипывали от смеха и утирали слезящиеся глаза.

«Они что, сумасшедшие?!» – испугалась Настя.

Но красавец капитан, с улыбкой на обветренном лице, взглядом предложил ей

посмотреть вверх, туда, где на самой высокой грот-мачте хохотал над ней «Веселый Роджер».

– Я дико извиняюсь, но мы пассажиров не берем... Команда не даст соврать, – тоже давясь от смеха, кивнул на гогочущих пиратов веселый капитан.

У Насти резко белеет лицо, как при встрече с «Летучим Голландцем». И таким же студеным холодом потянуло от улыбчивого капитана. Вот она – страшная разгадка хамского поведения капитана. «Хотя чего уж зря наговаривать на человека, – уныло защищала Настя своего спасителя, – для пирата он непростительно добр. Разве ж можно с нами, с жертвами так церемониться. Мы ж тогда обнаглеем и обязательно сядем на шею».

Настя перевела испуганный взгляд с пиратского флага на пиратскую шею, на которую, как она предполагала, могут сесть обнаглевшие жертвы слишком человеческого пирата. Шея была крепкая, выдержать могла многих, вот только пират никому не позволял ни садиться, ни вообще, прикасаться к своей весьма оберегаемой шее.

И вот теперь Настя уже внимательно посмотрела на мужчин, без мутной пелены благодарных слез. Без пелены они выглядели гораздо хуже: грязные, неопрятные, заросшие, с дикими, недобрыми ухмылками, и что самое страшное – с какими-то бурыми пятнами на

дорогой одежде, снятой, разумеется, с чужого плеча.

Настя бросила быстрый, затравленный взгляд на капитана, боясь отыскать и на его рубашке, к которой только что прижималась, следы кровавых преступлений. Не нашла. Одежда главаря была безукоризненно чиста. Белая рубашка одета как будто в первый раз, и всего минут за пять до встречи с Настей, которая так неаккуратно залила ее слезами; черные бархатные штаны плотно, без пузырей облегли стройные, крепкие ноги, при взгляде на которые девушка зарумянилась и подумала о вещах совершенно неприличных.

Уже зная о том, что Алекс Горн персонаж резко отрицательный, Настя все равно попала в плен его страшного обаяния. Забывшись, она несколько коротких секунд смотрела на него с нескрываемым восхищением. Капитан был сложен как бог или полубог: длинные ноги, широкие плечи и бугры напряженных мышц, которыми он стал демонстративно играть, заметив, что Настя восхищена его внешними данными.

«Великолепное животное!» – с восторгом, хотя и без особого почтения подумала смущенная Анастасия-Женя. И, действительно, во всем облике Горна было столько дикой, животной силы и красоты уверенного в себе самца, что иначе назвать его было просто невозможно.

Теперь настал черед Алекса Горна производить оценку нового трофея. Он делал это нагло, ничуть не смущаясь пылающих Настиных глаз, требующих, умоляющих не смотреть откровенным, обжигающим взглядом, от которого сгорала не только одежда, оставляя Настю обнаженной и беспомощной, но и нежная кожа загоралась каким-то странным, волнующим огнем.

Капитан ходил вокруг девушки мягкой кошачьей походкой, в которой, как и во всем его облике сквозила свирепая мощь хищника, пока сытого, и потому не убивающего жертву сразу. В его свинцовых глазах вспыхивали холодные огоньки веселых мыслей. Потом разбойник уцепился за одну из них, усмехнулся глядя Насте прямо в лицо, протяжно, чуть насмешливо свистнул, и выдал решение:

– Ба, да у нас нет канонира. Его разрубили на две половины... А это, согласишься, уже не боец. Ты рада назначению?

Капитан говорил вполне серьезно, так как будто это бредовое назначение было для хрупкой девушки мечтой с самого раннего детства, когда она с наслаждением играла в игрушечного канонира.

Пираты, давно переставшие смотреть на спасенную девушку человеческими глазами, нерадостно отреагировали на неожиданное

пополнение в своих рядах. Новичкам, правда, закралась в голову глупая мысль о шутливом характере капитана, любившем подурачиться в свободное от боев время. Но старые пираты, плававшие с Горном больше года, знали, что к розыгрышам их капитан мало расположен. Поэтому приказ о назначении пленной девушки канониром пиратского судна встретили угрюмым молчанием: на это место претендовали многие, более подходящие кандидатуры, чем эта жаркая девица с соблазнительными формами и спелым ртом. И хотя в их ушах еще звучал умоляющий женский крик пассажирок с торгового судна, перемешанный с их собственным диким ревом, они опять хотели любви, короткой, грубой, пусть и безответной.

Проницательный взгляд капитана читал по их похотливым лицам как по открытой книге. В любую секунду он ждал прямого вопроса: «Как будем делить добычу, капитан?» Следуя пиратским законам, крепким и нерушимым, Настю пришлось бы делить на равные части между членами команды и капитаном. Капитану, в связи с его привилегированным положением, досталась бы первая доля добычи. Но даже в этом случае через полчаса слаженной работы от Насти осталось бы одно мокрое место, бесформенное по виду и неменяемое по сути. Не объяснив себе до конца, зачем он лишает Настю любовных утех с грубыми,

несдержанными в желаниях мужчинами, Алекс принял решение, опередив прямой вопрос всего лишь на полсекунды.

Пиратам во второй раз показалось, что с их железным капитаном случилась беда. Отношение к без вины виноватой Анастасии стало еще более напряженным.

Не сильно доверяя своим ушам, Настя вспоминала значение смутно знакомого слова: «Канонир... канонир... это что-то грубое, военное... Наверное, он хотел сказать – кок...»

– Я не умею готовить, – невпопад ответила Настя.

И взрыв хохота разряжает накалившуюся атмосферу долгожданного свидания Настеньки с людьми.

– Похвально, – щурится капитан от еле сдерживаемого смеха. – А как на счет, стрелять из пушки?

Теперь уже Настя не доверяет его мозгам. «Нет, все-таки я не ослышалась, он хочет сделать из меня артиллериста! Человек сошел с ума. Грустная история... Но надо верить в лучшее, возможно он просто шутит, глупо и не смешно».

И то и другое Настино предположение было далеко от истины. Но не подозревающая о добрых намерениях дикого и кровожадного капитана Горна, она встретила в штывы резкое повышение

своего статуса: от бесправной добычи до канонира, не последнего человека в команде.

– Умею, – язвительно начала Настя. – А как же без этого? Стреляю день и ночь, тренируюсь. Вдруг, думаю, пригодится когда...

Но взгляд капитана оборвал ее язвительную речь. Что-то изменилось в глазах Алекса Горна, потухли веселые искры, заблестела сталь холодного оружия. И Настя съежилась от острого проникающего взгляда.

– Ты с нами или против нас? – спросил он без прежних, псевдо джентльменских ноток в голосе.

– С вами, с вами, – поспешно согласилась всерьез перепуганная Настя, догадавшаяся, что долго церемониться с ней не будут, придумают более подходящее назначение для женщины на разбойничьем судне. – Но только я совсем не умею стрелять...- жалобно захныкала неопытная канонирша.

– Научим, если время будет, – пообещал капитан чуть потеплевшим голосом. – Ну, а теперь, добро пожаловать на «Черную акулу»!

От этих слов и от приглашающего жеста Настя зябко съежилась: теперь ее судьбу будет решать этот бесцеремонный злодей. Она больше не хозяйка себе, своей шхуне... Но она по-прежнему оставалась хозяйкой своему верному Пятнице!

– Но я не одна... Со мной друг... Я Пятницу

не брошу!

– Что еще за Пятница? – встрепенулся капитан Горн.

– Моя собака...

– Собаки нам не нужны. Мы на охоту не выезжаем. Да и ребята мои животных не любят.

– Я без него не пойду, – заупрямилась Настя, вспомнив, сколько всего хорошего и плохого она пережила вместе с верным псом: шторм, одиночество, страшные ночи и вольные дни, когда, наевшись сытно валялись они на палубе в тени, в неге, обдуваемые ласковым соленым ветром. – Он погибнет тут один! Зачем я тогда делилась с ним водой, которая была дороже золота?! Зачем я берегла его во время шторма?! Зачем я сейчас пью разбавленный ром, а ему даю чистую воду?! Затем чтобы через два месяца бросить его подышать одного, только потому, что вы не выезжаете на охоту!!!

Обозлившись на своих спасителей Настя слегка перегнула палку: взгляд капитана, непривычного к критике в свой адрес, начал опять понемногу наливать свинцом. Настя, заметив перемену, сразу же перестала кричать, тем более уже успела сказать все, что хотела, и резко перешла на более приятный для капитанского слуха тон:

– Я его в помощники беру. Он мне будет ядра подавать, – мило улыбаясь настаивала на своем

ответственная хозяйка прирученной животины.

Эта кокетливая фраза оказалась убедительней всей предыдущей речи с грамотными доводами, трогательными подробностями, напором и громким голосом.

– Ну только, если в качестве помощника, – тем же серьезным тоном, каким было объявлено о назначении Насти канониром, согласился капитан. Он щедро дарил жизнь бесполезному Пятнице. Ему это ничего не стоило – дарить жизнь и забирать.

Забрав все самое необходимое из своей каюты, Настя с Пятницей покидали плавучий дом, уже не и зная – так ли это хорошо быть принудительно спасенными?

Пятница встретил новых знакомых глухим рычанием. Даже Настино нервное покрякивание не действовало на пса. Озлобленным пиратом такое поведение «помощника» канонира было явно не по душе.

«Рычит... Чувствует зверя», – соглашается с собакой Настя. И только ради его спасения приказывает строго:

– Да замолчи, ты!

Он замолчал только тогда, когда Настя обняла его за шею и, крепко прижав к себе, начала ласково уговаривать быть человеком и помолчать хотя бы пять минут, до тех пор, пока они не захлопнут за собой дверь новой каюты.

Не всем пиратам понравилось еще одно распоряжение капитана – выделить для Насти отдельную каюту. Они тихо роптали, требуя равноправия. Но нескромный Алекс Горн деликатно намекнул на некоторые физиологические различия между ними и новым канониром, которые не позволяют жить вместе девушке и мужчинам. Во время этой коротенькой лекции Настя чуть не сгорела от стыда, ненавидя внимательно слушающих пиратов, их бессовестного капитана и даже свои «различия», спасающие ее от матросского кубрика.

Новая обитель была намного роскошнее капитанской каюты на «Анастасии». Но вещи, хаотично собранные с захваченных кораблей, не гармонировали между собой. Кроме того, пираты не отличались бережливостью и аккуратностью, особенно во время веселых попок: панельная обшивка из полированного сандалового дерева носила на себе отпечатки грязных рук, шальных пуль и неумелой резьбы по дереву в пьяном виде. Мягкие диваны покрыты бархатом в несколько слоев, и на полу толстый, дорогой ковер из ярких причудливых узоров, по которому топтались в грязных сапогах, посыпали пеплом, заливали кровью и вином. Каждый сантиметр пиратского логова был забит до отказа награбленными

ценностями: картины, вазы, статуэтки, шкатулки, зеркала, посуда, хрусталь, золото, шелк, бархат... От обилия красивых вещей, сваленных как попало, каюта напоминала склад антикварной лавки. Под потолком тихо покачивалась большая медная лампа, дающая неровный желтоватый свет и некоторый уют этому складскому помещению.

Не успела Настя успокоиться и хоть немного освоиться среди громко кричащей роскоши, чужой боли и пиратского беспорядка, как к ней без стука ввалился хозяин «Черной акулы».

Вопреки Настиным ожиданиям, на своем корабле он вел себя так же нагло, как и у нее в гостях, ничуть не наглее. Для него просто не существовало понятие – «чужой корабль». Любое судно, на палубе которого оказывался он и его лихая команда автоматически превращался в свой корабль.

«Домогаться пришел», – сразу же определила Настя причину его визита. Но испугалась немного меньше, чем полагалось в данной ситуации.

– Я за тобой. Пошли наверх, займемся делом. Помощника оставь здесь.

Недоброе предчувствие схватило Настю за сердце: «Вид подозрительно довольный, наверное придумал какую-нибудь гадость». Настя уже начинала понемногу разбираться в сложном характере своего капитана и как-то даже

предвидеть его действия.

На палубе, возле одной из пушек, толпились разбойнички, явно ожидающие какого-то забавного представления.

– Ну, канонир, покажи – на что ты годен! – обратился капитан Горн к ничего непонимающей Анастасии.

Она до сих пор была уверена в том, что ее назначение морским артиллеристом – ничто иное, как шутка, примерно, такая же как и про Пятницу, подносящего ядра.

Но капитан, похоже, не намерен был шутить такими серьезными вещами. Он подтолкнул растерянную девушку слабого, не канонирского вида, к тяжелому орудию и приказал:

– Поджигай.

Настя переводила изумленные глаза с капитана на пушку, а с пушки на бедную «Анастасию», которую ей предлагали в качестве мишени. Она отказывалась понимать. И уж тем более, выполнять.

Алексей понял ее замешательство по-своему:

– Пушка уже заряжена. Тебе нужно только навести поточнее и поджечь порох, – обнимая ее взглядом, преподавал командир пиратов азы артиллерийского искусства.

Шхуна – не человек, но Настя еще не

превратилась в морского разбойника, умытого кровью, задубевшего и загрубевшего. Для нее корабль-тезка значил гораздо больше, чем удобная деревянная мишень. С ним, как и с Пятницей она почти сроднилась. Ему говорила она тихое «спасибо» за то, что понимал ее неумелые команды и подчинялся ее слабым рукам. Они вместе – «плечо к плечу» шли сквозь бушующий океан, и ни одна, самая смертоносная волна не смогла потопить стойкий деревянный кораблик, который был для Насти домом и тюрьмой, птицей и сказочным островом эротических фантазий, пещерой страха, обжигающей сухой пустыней и голубым оазисом бесконечной тишины, спокойствия, одиночества и свободы.

Нет, она не могла прицелиться поточнее и выстрелить в «Анастасию». От жалости к несчастной шхуне у Насти заблестели глаза:

– Да неужели нельзя оставить ее в покое?!
Кому помешало разбитое штормом судно?!

Не вступая в дискуссию на тему: «Как нам быть с разбитым судном», Алекс Горн встал у Насти за спиной, взял ее за руки, и как будто не слыша ее жалобного протеста, продолжил обучение:

– Чтобы потопить корабль, на котором не осталось ничего ценного – надо целиться в борт, ниже ватерлинии. А для того, что бы посеять

панику на корабле и положить побольше народу – целиться надо чуть выше фальшборта. Палуба – в щепки, команда в ключья... А тут и мы, красивые и злые! Вот вся премудрость. Заряжать тебя позже научат. А сейчас – закрепи урок.

Премудрость и в самом деле – проще некуда, Настя все уяснила, поняла. Но топить «Анастасию» отказывалась. Теряя терпение, Алекс Горн начал сам управлять Настиными руками. Она попробовала воспротивиться насилию. И сразу же познакомилась с тем зверем, который до сих пор расслабленно дремал в теле капитана Горна. Мышцы капитана налились силой, Настя словно попала в объятия каменного монстра. Но в отличие от холодного камня – горячее тело капитана приятно обжигало нежную, почти девственную кожу Анастасии. Настины руки, послушные силе чужих рук, опускали дуло пушки точно по уровню ватерлинии. Потом эти же самые безжалостные руки легко, без видимых усилий заставили Настю поджечь порох. Она не могла сопротивляться – Алексей сдавил ей кисти так, что они занемели от боли...

Раздался выстрел. Настя с непривычки чуть не оглохла и чуть не ослепла. А когда дым развеялся, она увидела, как в пробоину корабля быстро заливается вода. С каким-то жутким свистом торопится она пробраться в трюм, и наконец-то,

победить маленькую, непокорную «Анастасию». То, чего не смог сделать шторм за долгую безумную ночь – смог сделать человек, легко, быстро и ради шутки.

Тихо плакала Настя в горячих каменных объятиях капитана. Тихо погружалась «Анастасия» в теплые глубокие воды Атлантики. «Зачем? Зачем?» – спрашивала Настя, не открывая рта. Пират не объяснял – зачем, он не слышал внутреннего голоса притихшей Насти, не видел ее прозрачных, незаметных слез, он стоял у нее за спиной, держа ее кисти в своих руках, как будто занятия по стрельбе все еще продолжались.

«Анастасия» тонула. Настя прощалась с ней. Вот скрылись под водой красивые белые буквы «Анастасия». Над безразличным синим океаном еще торчала обломанная мачта. Но вот и она начала стремительно погружаться – на палубу через борта хлынула вода. «Анастасия» шла ко дну медленно, неторопливо, словно продолжая упорную борьбу за жизнь. Вокруг нее забурлили водовороты – палуба исчезла. Океан принимал свою очередную жертву в торжественной обстановке розовых сумерек.

– Как тебя зовут? – запоздало и не к месту поинтересовался Алекс Горн.

– Анастасия, – еле выдавила Настя, голос ее дрожал от обиды и бессилия, но она не хотела жалобить бессердечного капитана своими глупыми,

сентиментальными слезами.

– А-а-а,- равнодушно протянул капитан.

И так же равнодушно, не желая никого обидеть, подвел итог первому занятию по стрельбе:

– Одной Анастасией стало меньше...

Алексей отпустил Настины руки, но продолжал стоять у нее за спиной. Близость сильного, властного мужчины раздражала и волновала Настю одновременно. Пауза затягивалась, казалось капитан нарочно тянет ее, не говоря ни слова, и не выпуская Настю из ловушки. Девушка оказалась зажатой внутри крохотного треугольника: одна сторона которого – чугунная пушка, другая – деревянный борт корабля, а третья сторона – капитан, жесткий, мускулистый, непробиваемый. И эта живая преграда очень смущала девушку, даже не смотря на то, что Настя некоторое время была замужней женщиной, что позволило ей на законных основаниях расстаться с девственностью, а заодно и с робостью перед мужским полом. Ну а потом вмешались волшебные часики, и нескромный Женькин дух еще сильнее раскрепостил благородную барышню из чопорного века, однако все еще оставляя ее в рамках приличия. Но уже другого века – свободного, демократичного и нестыдливого.

И не смотря на все эти раскрепощения, сексуальные флюиды, идущие от капитанского

тела, беспокоили Настю, подвергая ее сладкой незнакомой пытке. И это притом, что между двумя телами, вступившими в интимную реакцию, оставалась инертная прослойка из одежды, свежего, довольно прохладного, морского воздуха и неприязни.

Пытаясь выбраться из возбуждающего треугольника, Настя развернулась к капитану лицом. Стало еще хуже. Или лучше, она уж толком и не понимала, что для нее в данной ситуации хорошо, а что плохо. Но стоять, упершись не только носом, но и неприлично окрепшей грудью в мускулистый торс 100-процентного самца, было просто невыносимо. Во всяком случае, спокойно, отрешенно думая о чем-то постороннем, например, о затонувшей от меткого выстрела «Анастасии» или о скопившихся на палубе пиратах, с интересом наблюдавших за психо-сексуальным экспериментом развлекающегося капитана.

«Пора кончать пантомиму страсти», – решительно подумала взволнованная Настя, и чуть нагловатым, Женькиным голосом попросила:

– Молодой человек, разрешите пройти.

На Алекса Горна, предводителя пиратов с 6-ти летним стажем, это, чуть нервное – «молодой человек», произвело неизгладимое впечатление. Он даже позволил Насте отодвинуть себя в сторону, для того, чтобы она могла протиснуться между ним

и пушкой.

«Молодой человек... Она назвала меня молодым человеком, – хохотал заматеревший морской разбойник. – По-моему – это оскорбление...»

Убежав с палубы, убежав от Горна, Настя не могла убежать от себя: чувства, рожденные в тесном «треугольнике» продолжали отдаваться в разных частях тела. Чтобы как-то отвлечься от мыслей, связанных с мерзавцем капитаном, Настя приступила к обследованию своего нового дома. Этим она и занималась до тех пор, пока крики, доносившиеся из пьяного кубрика, не стали очень уж громкие и не начали пугать Анастасию. Разглядывая пиратские трофеи, она наткнулась на большое овальное зеркало в золоченой раме. Рамой осталась довольна, а вот своим отражением – нет.

– Для девушки, живущей на пиратском корабле я выгляжу недопустимо вызывающе.

На своей свободной «Анастасии» хозяйка могла позволить себе все, что угодно: длинные, распущенные волосы; платье с глубоким декольте и короткими рукавами. Она могла ходить там даже нагишом, если очень жарко и лень одеваться. Но среди мужчин неджентльменского поведения такие вольности непременно повлекли бы за собой нехорошие поступки со стороны этих самых мужчин. Настя решила их избавить от невольного

греха.

Но первым делом она избавилась от слишком открытого платья, которое так не кстати подчеркивало красивые женские формы и обнажало молодую грудь до самых откровенных мест. Темно-коричневое дорожное платье с длинными рукавами и глухим верхом делало Настю похожей на раскаявшуюся грешницу. Но белокурые локоны, нескромно блестящие на пуританском одеянии, и синие глаза озорной бестии говорили о том, что раскаяния те не настоящие.

Не дрогнув рукой, Настя, в целях собственной безопасности, скорее всего, обрезала бы под корень соблазняющую красоту длинных волос. Она уже начала задумываться над этим решительным шагом, как в дверь ее каюты тихонько постучали.

«Раскаявшаяся грешница» решила притвориться глубоко спящей, надеясь, по глупости, что невоспитанные разбойники не станут поднимать девушку с постели.

Но пираты имели свое, противоположное мнение на этот счет. Стук перешел в элементарное вышибание дверей. Настя не знала, что пиратами, которые ломались в ее каюту, руководил весьма благородный порыв – они пили Настин ром, ели печенье, консервы, орехи, изюм, принесенные с потопленной «Анастасии», и в какой-то момент вспомнили о хозяйке, «любезно» предоставившей

им такое изысканное угощение.

– Не порядок, братцы! Надо хозяйку позвать. Как ни как – продукты из ее кладовых трескаем... Да и ром оттуда же, – вспомнив о законах гостеприимства, прокричал краснолицый пират свирепого вида, но довольно мирного нрава. Его отталкивающая внешность не имела ничего общего с внутренним содержанием, которое часто противилось неоправданной жестокости по отношению к пленным, будь то мужчина, женщина или ребенок. Звали доброго великана как и положено – Михайло, а по фамилии он был – Давыдов. Но на пиратском судне не принято называть друг друга по фамилии, фамилии очень быстро заменялись прозвищами, и прилипали намертво, не взирая на согласие или несогласие переименованного. Михайло Давыдова, не долго думая, окрестили «Медведем», за почти стопроцентное внешнее сходство с хозяином тайги.

Клич Медведя сразу же поддержал Федька-Рваное ухо – красивый цыганистый парень, потерявший в пьяной драке серьгу и кусочек мочки.

– А чо, дело говоришь! Нечего из себя барыню ломать. И пуцай со всеми вместе за одним столом сидит! Ишь, заперлась в отдельной каюте, краля, – надрывался борец с привилегиями, думая совсем о другом. Глаза его при этом смазались похотливым маслом.

Их двоих и отправили за «Хозяйкой».

Ногой в дверь стучал неуравновешенный борец с привелегиями, а огромный Михайло-Медведь гулко басил:

– Барышня, откройте! К нашему столу вас просим.

Просили уже долго, минут десять. Настя устала от шума и решила впустить просителей, тем более, что не смотря на шум, вели они себя довольно прилично: ни угроз, ни проклятий в ее адрес не слали, грубыми словами тоже не обзывали. Да и дверь было жалко, она держалась уже из последних сил.

– Добрый вечер, – как можно чопорнее приветствовала Настя незваных гостей.

Она решила, по возможности, соблюдать дистанцию, изображая из себя что-то очень сухое, недоступное, а потому, как она полагала, сексуально не привлекательное. Выбранная манера поведения очень не понравилась Федьке-Рваное ухо, подозревающего Хозяйку в неуважении к честной компании:

– Не побрезгуйте, Ваше величество. Извольте к нам, откушать, чем бог послал, – извиваясь как змея и гримасничая сверх меры, пригласил он Настю к пиратскому столу.

К нормальному столу Настя пошла бы с удовольствием, она уже давно проголодалась. Еще

больше она хотела пить – чистую воду без примеси рома и в неограниченных количествах! Но внешний облик двух мужчин, пришедших с приглашением, яснее ясного говорил о том, что народ в кубрике собрался мало закусывающий и много пьющий. При чем пить, как Настя совершенно справедливо полагала, придется все тот же ром, один вид которого вызывал глубокую тоску и желудочные спазмы.

– Спасибо за приглашение, но я очень плотно пообедала на своей «Анастасии», – с легким надрывом произнесла Настя и строго поджала губы.

– Пошли, не жеманься, – переставая кривляться, настойчиво позвал Федька-Рваное ухо.
– Народ ждет.

– Не порядок, барышня, надо уважить, – добродушно пробасил Медведь.

Настя пробовала упираться, но Федька только разозлился, видя, что его предположения относительно Настиного зазнайства подтверждаются. Он взял «хозяйку» под руку, почти как джентльмен и повел в орущий, разящий перегаром матросский кубрик. Все слабые попытки вырваться из крючковой, жилистой руки чернявого пирата оказались безуспешными. Он только сильнее стискивал пальцы, оставляя на Настиной коже красные пятна.

Несколько успокаивало присутствие

Медведя-Миши. Настя интуитивно чувствовала, что душа у этого «зверя» добрая и человеческая.

Встретили Настю довольно приветливо:

– А, хозяйка, тить твою мать! Ну, заходи, присаживайся...

«Хозяйка – это, конечно, лестно, но с какой стати?» – удивилась Настя, пропуская мимо ушей следующую фразу.

Зашла, присела, найдя почти на ощупь место за столом – воздух от дыма и перегара был плотный и совсем не прозрачный. Испарения от давно невымытых пьяных мужских тел действовали на Настю отравляюще. В такой удушливой атмосфере она не могла не только пить-есть, ей тяжело было дышать и совсем не хотелось открывать рот для поддержания далеко несветской беседы.

– Ну, выпьем за нового канонира, – предложил тост рыжеволосый пират с подбитым глазом.

– Ты, Петруха, не торопись за это пить – барынька-то с секретом. Хрен поймешь, кто она – то ли канонир, то ли подруга нашему капитану, то ли наша общая добыча, – нервничал от неизвестности Федька, по привычке теребя рваное ухо.

– Там разберемся – кто есть кто, а за пополнение выпить требуется, – настаивал на своем Петро, и компания его дружно поддержала, не

слушая пытливого Федьку, желающего непременно расставить все точки над «и» в самом начале застолья.

Пить Настя наотрез отказалась, проявив при этом баранье упрямство, чем еще больше разонравилась Федьке с надорванным ухом и такой же надорванной психикой.

Пока Настя угощалась продуктами питания из своих же кладовых и пила в неограниченных количествах чистую воду (наслаждаясь ей сильнее, чем пираты ромом) люди за столом неумолимо превращались в чертей. Быстрее всех с человеческим обликом расстался Федька-Рваное ухо.

Вскочив на стол, как петух на изгородь, он заорал дурным голосом:

– Хватай курву! Вали ее! Это наша добыча!!!

От его пронзительного визга, а главное от его слов, прозвучавших так неожиданно, Настя поперхнулась водой. И пока она беспомощно откашливалась, человекоподобные существа уже рвали на ней одежду, добираясь до груди. Всего лишь минуту назад, до того как Федька прокукарекал: «Вали ее!», пираты, совершенно забыв о госте, говорили, точнее, кричали на очень далекие от секса темы. Но тут сразу, как будто очнувшись от Федькиного крика, в сердцах их вспыхнула страсть к белокурой добыче.

О том, что Алекс Горн назначил ее канониром, который на пиратских судах приравнивается к помощнику капитана, разогретая Федькиным кличем свора пьяных мужчин даже не вспомнила. «Капитан Рваное ухо» на время захватил власть в свои крючковатые руки, и команда с видимым удовольствием приступила к выполнению его первого приказа.

Один только Медведь попытался вразумить самозванца. Без лишних слов он двинул Федьку-Рваное ухо по искореженной похотью морде. Федька громко крикнул и завалился под стол, на время потеряв свой похотливый интерес до Настинного тела.

Но остальным пиратам не понравился поступок Медведя, и тоже, не тратя напрасно слов, они навалились на него со всех сторон. Медведь пыхтел, кряхтел, отбивался от десятка рук. Уже почти раскидал основную массу бывших дружков-собутылников, но тут очнулся Федька-Разбитая морда, и подло, со спины ударил Медведя бутылкой по голове. Тот охнул, зашатался, но не упал, а как-то сразу остыл к борьбе и поплелся спотыкающейся походкой к выходу.

Забившаяся в угол Анастасия отчаянным взглядом провожала грузную фигуру несостоявшегося защитника и героя.

Все последующие события проносились в

диком вихре: обезображенные лица пиратов мелькали перед Настинными почерневшими глазами, уши забивал их сиплый рев. Пираты привязали «хозяйку» к деревянной подпорке, как к жертвенному столбу. Цепкие пальцы хватили за платье и рвали его в безумном экстазе.

Первым собирался приступить к делу нетерпеливый Федька-Рваное ухо. Его прикосновения обжигают до костей – из горла обезумевшей Насти непроизвольно вырывается протяжный крик:

– Дима!!!

Настины ноги горят, обожженные похотливыми руками. И она, срывая связки, кричит:

– Димааа!!!

Федька не обращает внимание на крик, он весь во власти сумасшедшей похоти. Но ему не суждено было ее утолить. Второй раз оглушительный удар по голове валит Федю с ног. Но во второй раз друзья-насильники не спешат вступаться за своего лже-капитана, давшего команду: «Вали курву!» Возбуждение быстро их покидает, потому что в кубрике запахло бедой – Алекс Горн вершит свой жестокий суд.

Бесчувственное тело Федьки-Рваное Ухо подпрыгивает от ударов: капитан пинает его с той самой яростной силой, которая в равной степени наводит ужас и на пиратов и на честных матросов.

Однако внешне он оставался спокоен как лев, забивающий антилопу: ни яростных криков, ни обезумевших глаз, ни суетливых промахов.

Наказав ослушника до полусмерти, капитан повернулся к притихшим пиратам. Они стояли за его спиной и даже не помышляли прийти на помощь своему дружку сластолюбцу.

– Кто еще дотрагивался до канонира? – спросил капитан, обводя присмиривших пиратов тяжелым взглядом. Серые глаза резали по застывшим лицам свежезаточенным лезвием – безжалостно и равнодушно. Пираты загомонили хором, как дети, перекрикивая друг друга:

– Никто! Никто ее не трогал! Вот только – он, Федька!

С таким же равнодушным выражением лица капитан отвязал Настю от позорного столба. Она плохо соображала, ее сознание держалось на ниточке, но прежде, чем обессилено упасть на грудь Алекса Горна, она стыдливо стянула обрывки платья на груди.

Уже не заблуждаясь относительно рода деятельности «великолепного животного», Настя все равно ждала от него сочувствия. Пусть тихого, скрытого, еле заметного, но все-таки сочувствия. Ей было бы достаточно ободряющего, дружеского похлопывания по плечу или тихого шепота, о том, что не печалься, девица, синяки пройдут, платье –

зашьем, насильника накажем. Она успокоилась бы. И нервная трясучка и резкие всхлипы могли бы пройти от простого поглаживания по спине.

Но Алекс Горн не торопился еще раз приходить на помощь новому канониру, так тяжело приживающемуся в мужском коллективе. Он вел Настю в каюту, придерживая за локоток, не проявляя ни каких видимых признаков участия. От его холодной сдержанности Настя страдала почти так же, как от горячей несдержанности Федьки-Рваное ухо. Один оскорбительно хотел ее тело, другой оскорбительно равнодушен к ее душе, напряженно ждавшей сочувствия, без которого его благородный поступок терял всякую красоту.

Не видя сочувствия, Настя все больше напрягалась в присутствии черствого мужчины, сгорая от стыда за свое изорванное платье, через которое проглядывало тело. Ей было стыдно за то, что увидел капитан в матросском кубрике. Ей было неловко за отчужденность равнодушного героя.

Пожелав спокойной ночи, Алексей остановился на пороге, повернулся к ней лицом, потеплел лицом лишь на секунду, потом вспомнил имя мужчины, которого звала девушка на помощь... и молча ушел.

Насте показалось будто ее щелкнули по носу. Она уже доверчиво потянулась ему навстречу, уверенная, что сейчас растает лед в холодном

сердце пирата, и ей будет оказана моральная поддержка, так необходимая сейчас.

Настя успокаивалась одна, как могла, переходя постепенно на осуждение неадекватного, черствого, отвратительного Алекса Горна. Перед тем как закончить осуждение, Настя кровожадно, совсем по-пиратски процедила сквозь сжатые зубы:

– Убила бы!

И загасив лампу, долго ворочалась в кровати, пытаясь мысленно убить.

То улыбающийся, то хмурый, то насмешливый, то жутко спокойный, избивающий слушника, то волнующий и манящий образ капитана Горна не давал Насте расслабиться и заснуть. Она еще не знала, что к ее сердцу решительно подступала запретная мечта об эротическом острове и пирате, смуглом, диком, возбуждающем.

На корабле, где хозяйничали пираты, не было места морским призракам. Настя почувствовала это сразу и уже приготовилась в первый раз за много-много дней уснуть быстро и с удовольствием: без рома, без шорохов, без скрипов за дверь, без тяжелых вздохов, своих и неизвестно чьих. Уснуть так, как хотелось уже давно.

Но на новом месте тоже не спалось, по другой причине. И хотя Настино разгоряченное

воображение еще не превратило обыкновенного разбойника в рыцаря на белом иноходце – тихой лунной ночью ей было не до сна. Она вспоминала события ужасного вечера и растерянно признавалась себе – зацепиться не за что: «Обыкновенный подлец! За один вечер успел сделать столько гадостей! И даже спасение было какое-то формальное, противное. Такой осадок после него... кислый. Аж на зубах скрипит... Фу-ты, ну-ты, ну за чем ты мне нужен?! Полночи спать не даешь, все лезешь и лезешь в голову. А ну, пошел прочь!»

И даже после этого образ смуглого пирата, проявляя неповиновение, оставался при Насте до самого утра.

Не спалось в эту ночь и протрезвевшим насильникам. Душный, прокуренный кубрик не сотрясался от горлового пения крепко спящих мужчин. Им также мешал заснуть образ красавца капитана. Но уже по другой причине. Знали они на собственной многострадальной шкуре характер и законы капитана Горна: наказание будет завтра, на трезвую голову, на ясную память, чтобы врезалось наказание крепко-накрепко всем присутствующим. Сломанные Федькины ребра и отбитые его же почки в счет не идут, это еще не наказание. Это еще только капитан погрозил пальчиком и строго сказал: «Ай-яй-яй!»

В углу громко стонал и сплевывал кровавые сгустки еле живой Федька-Рваное ухо. Пираты угрюмо шептались, с опаской поглядывая на дверь:

– Завтра кого-то не досчитаемся...

– А не надо было девку сильничать, – басил Медведь, не понижая голоса.

На него дружно зашипели:

– А ежели ты такой шибко правильный – какого лешего с нами разбойничаешь?! Ишь, нашелся святой угодник – и нашим и вашим!

Из угла донесся хриплый, булькающий шепот:

– Надо и девку эту, и капитана сегодня ночью... того... переизбрать.

Пираты аж задохнулись от подстрекательских речей недобитого Федьки. А он, прокашлявшись, гнул свою линию:

– Не видите вы, что ли? Зенки залили?! Втюрился он в бабу пленную, себе ее хочет... Против законов пиратских прет! А баба на корабле – к беде. Не будет нам больше фарту, попомните мое слово. Под юбкой будет наш капитан прятаться... А нам, значит, нельзя! Мы рожей не вышли! – поперхнулся от злости, отплевался кровью и снова забулькал в напряженной тишине. – Мы его выбрали капитаном – нам и решать, когда его переизбрать...

– Да ты не вали все в одну кучу! То, что получил за девку – это одно. Это твоя обида. А то,

что капитан он справедливый, хотя и лютый – это другое. А за такие дела капитанов не меняют. Тем более, сколько лет с ним плаваю, а удача все с нами, как привязанная.

Два вечных врага – Медведь и Федька опять схлестнулись, но уже в словесном поединке.

Почти до утра орали и спорили пираты, разделившись на два противоположных лагеря. Федька-Рваное ухо обещал быть еще удачливее и добрее Алекса Горна. А Медведь обещал, что свернет шею бунтовщику и псу шелудивому.

Так за спорами да разговорами пираты не нашли свободной минутки, чтобы переизбрать капитана. Да, в общем-то, никто сильно и не хотел, за исключением Федьки, который уже заранее простился с жизнью.

На всей «Черной акуле» спокойно спали только два существа – Пятница да капитан Горн. Ни Настины синие глубокие глаза, ни случайно увиденные ее обнаженные ноги и грудь не потревожили сердца или других, более отзывчивых органов молодого, здорового мужчины. Не повлиял на его крепкий сон и показательный судебный процесс, продолжение которого перенесено на утро.

Главный обвинитель и судья не готовил заранее речь, скрипя всю ночь пером по белым листам, внося изменения, исправления, расставляя акценты. Догадывался он и о том, что в кубрике

сейчас жарко спорят: убивать капитана – грозу Атлантики, с которым живетя богато и относительно безопасно или не убивать, а значит продолжать грабить легко и беззаботно под командованием лютого капитана. Знал Алексей Тимофеев, что пираты выберут второе. И выбор этот будет неизменным до тех пор, пока капитан Алекс Горн будет сильнее и удачливее их всех, вместе взятых. Страх перед силой рождал уважение; к легкой наживе быстро привыкали; команда «Черной акулы» – почти легенда. У пиратов пока не было повода убивать капитана. Он это знал и спал спокойно, как младенец, не отягощенный ни грехами, ни любовными переживаниями, ни сомнениями.

Наступило утро пиратской казни. Провинившиеся сбились на палубе в тесную кучку и были совсем не похожи на самих себя, вчерашних. Карающий меч правосудия в лице капитана Горна уже навис над их буйными головами, отчего головы боязливо втянулись в плечи. По правую руку от главного обвинителя стоял Гришка-Корыто, не принимавший участия во вчерашних безобразиях, по левую руку – потерпевшая, насильно принимавшая участие во вчерашних безобразиях.

Больше всего Настя боялась, что капитан, в свойственной ему насмешливой манере, устроит

сейчас развеселый балаган со всякими неприличными подробностями, колкостями и циничными замечаниями. Даже справедливая жажда мести не заставила бы Настю подняться на палубу и предстать перед вчерашними насильниками. А капитан Алекс Горн заставил. Он вообще умел заставлять.

Торжественность и мрачность обстановки судилища несколько успокоила Настю, она поняла – балагана на этот раз не будет, капитан настроен серьезно.

«Ну, чисто «Ревизор» Гоголя... Господа, я собрал вас для того, чтобы сообщить пренеприятное известие...», – кровожадно усмехалась про себя вчерашняя жертва и Евгения, знакомая с классической литературой.

Процесс начался, Алекс Горн обвел присутствующих тяжелым взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, и приступил к обвинению:

– Вчера на «Черной акуле» были нарушены основные пиратские законы, – томительная пауза и давящий взгляд.

Затем снова прошелся свинцовым голосом по поникшим головам:

– Я, избранный вами капитан, управляю командой и набираю команду. Мной вчера был назначен новый канонир. Об этом знали все?

Пираты поспешно подтвердили.

Капитан продолжал:

– Но вы распорядились им по-своему. Вы распорядились канониром как пленницей, – он пригвоздил к палубе сразу всех нарушителей закона. – Это – раз. Добычу делили без участия капитана – это два.

«Раз» и «два» прозвучали как выстрелы на притихшем бриге.

– В результате ваших действий «Акула» могла остаться без канонира. Это – три. А все в сумме тянет на бунт. Это – четыре.

Еще два «выстрела» прозвучали в страшной тишине, когда не хлопали даже паруса, и затих веселый ветер. Такое обвинение самое серьезное, тут полосканием в океане или трехдневной голодовкой не обойтись. Тут нужна была кровь. И пираты это хорошо знали.

«Красиво говорит, – подумала Настя с легкой гордостью за капитана, строго наказывающего ее обидчиков. – Почти государственную измену «шьет»... Пусть теперь знают, гады!»

Капитан обжег взглядом сомлевших пиратов, совсем не страшных и не похотливых, и уж тем более – не бунтовщиков. И убийственно-спокойным тоном задал вопрос, которого боялись все:

– Подвожу итог. Вы со мной или против меня?
И грубые, хмурые, отчаянные, кровожадные

пираты хором, перекрикивая друг друга, угодливо закричали:

– С тобой! С тобой! Конечно, с тобой!

Капитан и не сомневался в ответе.

– Тогда мне нужен зачинщик. Кто первым из вас предложил привести канонира в кубрик?

Снова взгляд его заглодел и прошелся по бледным лицам острым ножом.

Пиратская кучка пришла в движение, заволновалась, заколыхалась, от Медведя, как от прокаженного отшатнулись бывшие друзья-приятели.

– Братцы, вы чего?! Братцы, я же хотел как лучше... Братцы!!! – растерянно бормотал огромный человек, беспомощно махая руками, стараясь удержать бегущих от него «братцев».

– Ты? – спросил палач.

– Я, – послушно ответил приговоренный. – Я же хотел как лучше... братцы...

Он не закончил. Выстрелом в голову жестокий, но справедливый капитан оборвал сбивчивое бормотание добродушного Медведя, хотевшего как лучше...

Настя пронзительно завизжала. Так же пронзительно, как визжали до нее все женщины на захваченных кораблях.

Капитан скривился, будто его дернули за нерв. Женские крики действовали на Алекса Горна

крайне удручающе, он терял то последнее человеческое, что еще оставалось в его загрубевшей душе. Он не ударил Настю, хотя уже собирался. Но в последнюю секунду просто положил ладонь на ее рот, искривленный в истошном крике. Стало гораздо тише.

Пираты смотрели на безжизненное тело Медведя, не зная, можно ли вздохнуть спокойно или это еще не вся кровь, выпущенная капитаном.

Привалившийся к борту Федька-Рваное ухо уже давно перестал кряхтеть, забыв про боль. Если бы на горизонте виднелся хотя бы полуметровый клочок суши – он, не задумываясь, сиганул бы за борт. Свои славные деньки на «Черной акуле» Федька считал законченными. «Ах, ты, сучка белобрыся! Ну, принесли же тебя черти на мою погибель! Не сожрали тебя твои призраки! Не сдохла ты без воды! Теперь мне вот погибать через тебя!! – сокрушался чернявый красавец, случайно покусившийся вчера на нового канонира.

– Федьку-Рваное ухо, застигнутого мною на пороге преступления...

Маленькое, сморщенное сердце похотливого пирата остановилось...

– ... бросить в трюм, – после эффектной, воспитательной паузы продолжил капитан. – На хлеб и воду. Строгий пост очистит его грязную душу. Если, конечно, найдет ее.